

Дмитрий Суслин

Крутой пришелец

«Автор»
2001-2002

Суслин Д. Ю.

Крутой пришелец / Д. Ю. Суслин — «Автор», 2001-2002

В этой потрясающей истории все приключения происходят на неизвестной планете, куда волею судьбы был заброшен главный герой Сергей Стрельников, студент медицинского факультета. К тому же на первых же страницах оказывается, что он Инопланетянин. Не много, ни мало. И все-таки, хоть он и пришелец, у парня проблема. Он влюблен в однокурсницу Наташу, но не может ей в этом признаться. И надо же так случиться, Она тоже попадает в другой мир вместе с ним. В этом мире у Сергея оказывается столько достоинств и талантов, главный из которых – удивительный целебный дар, с помощью которого он излечивает не только людей, но и кентавров, гарпий и прочих фантастических животных, да что там, он даже мертвых возвращает к жизни, да еще на этой планете он побеждает тиранов, освобождает народы и совершает другие многочисленные подвиги. Не полюбить его нельзя. Так что, можно сказать, что этот роман о любви.

© Суслин Д. Ю., 2001-2002

© Автор, 2001-2002

Дмитрий Суслин

Крутой пришелец

роман

Я – инопланетянин. Круто да? По-моему, тоже! Самое прикольное во всем этом то, что о данном факте мне стало известно всего лишь двадцать минут назад. И эти двадцать минут решительно изменили всю мою жизнь.

Еще сегодня утром я был самым обыкновенным молодым человеком, студентом-третьекурсником медицинского факультета, который собирался сдать очередной экзамен летней сессии, а сейчас я загнанный в угол беглец, и моя жизнь висит на тоненьком волоске. Да и не только моя. Вот уж никогда не думал, что мне придется скрываться от кого бы то ни было. И вот пришлось...

Оглушительно прозвучал выстрел. Пуля гулко ударила в стену, и мне на спину посыпались куски штукатурки. У тех кто стрелял, явно самые серьезные намерения.

– Что же им надо? – закричала Наташа. Голос у нее после выстрела казался неестественным, в глазах стояли слезы, и вся она мелко тряслась от ужаса. Объяснять что-либо было некогда.

– Бежим!

Я схватил ее за руку, и мы рванули наверх по лестнице. Теперь уже автоматная очередь проводила нас на четвертый этаж, и, клянусь, никогда в жизни я еще не бегал так быстро, как сейчас.

Честно говоря, я и сам не знаю, что надо от меня этим гориллам. Но о том, что они не собираются предложить мне выпить с ними шампанского, я где-то в глубине души догадывался. Господи, да за что же мне это?!!

Мы с Наташей добежали до последнего этажа, и только тогда поняли, что бежать-то дальше некуда. А внизу четко были слышны неторопливые, чуть шаркающие шаги тех пятерых ребят, каждый из которых с легкостью бы потянул на роль Терминатора. Даже страшно подумать, что они с нами сделают, когда догонят. Хорошо, если только пристрелят. А если нет? О самом плохом думать не хотелось.

– Чердак открыт! – сквозь слезы прошептала Наташа. Глаза ее были широко открыты от ужаса. Надо же какие большие! Даже на экзамене, когда она ничего не знает и смотрит на меня с мольбой, они не такие огромные. Лицо в разводах от растекшейся краски. Губы покраснели. Черт возьми, как же она хороша! Ну почему самое, хорошее нам достается не тогда, когда надо?

Я глянул наверх. Чердак действительно был открыт. Надо же! А Наташка то молодец! Хоть и напугана до смерти, а открытый люк заметила. Говорят, что женщины в экстремальных ситуациях соображают быстрее. Раньше я в это не верил. А теперь, кажется придется изменить свою точку зрения.

Через секунду мы уже лезли на крышу. Наташа впереди, я за ней, при этом так торопился, что чуть ли не толкал ее головой. Чудом не посадил ее себе на плечи. На крыше я захлопнул крышку люка. Надо бы что-нибудь вставить в ушки для замка, но времени нет. Да и вставлять нечего. Не палец же! Наташа уже бежала к соседнему люку. Я устремился за ней. Грудь моя разрывалась от нехватки воздуха, ноги гудели от усталости. Что, значит, пропускать физкультуру! Я чуть не споткнулся обо что-то и еле устоял на ногах. Уже у самого люка я увидел, что он закрыт. Меня охватили самые мрачные предчувствия. Наташа бросилась к люку и задержалась в тщетных попытках открыть его. Я схватил ее за руку, девушку била крупная дрожь. Она была в панике.

– Тут замок!

Да, да! Сегодня не самый удачный день в нашей жизни. Один раз повезло, теперь везение закончилось. Даже если бы у меня в руках был лом, и то я не стал бы ручаться, что смогу быстро справиться с этим гаражным замком. С каких это пор на крышах учебных зданий стали ставить такие шикарные замки?

– Что же теперь делать? – в голосе девушки послышалась слабо скрытая истерика.

Я пожал плечами.

– Боюсь, что мы мало, что сможем сделать.

Мои слова тут же подтвердились. Крышка люка, который нас чуть было не спас, открылась, и квадратная голова первого киллера уставилась на нас маленькими как у поросенка и такими же равнодушными глазками. На мгновение меня охватила надежда, что он застрянет в люке и не сможет вылезти. Надежда тут же умерла, и все пятеро, как чертики из шкатулки, повискакивали на крышу. Ну и морды! Просто фильм ужасов. И, главное, никаких эмоций. Точно роботы. От таких пощады не жди. Они выстроились в ряд, вскинули короткоствольные автоматы и пошли на нас.

Неужели все? Мысли, одна за другой, стремительно пронеслись в моей голове. Говорят, что перед смертью люди вспоминают всю свою прежнюю жизнь. Не знаю. Я ничего не вспомнил. Все мысли были только о том, что так не хочется умирать, и почему в жизни все так несправедливо.

Убийцы открыли огонь. Мы с Наташей все же каким-то невероятным образом успели оказаться за бетонным люком. Посмотрели друг на друга. Наташино лицо было само воплощение ужаса. Уверен, что выражение моего лица мало, чем отличалось от ее. Наверно так смотрят попавшие в капкан кролики, когда к ним приближается охотник с ружьем и собакой.

– Может с крыши спрыгнем? – выдавила она, и несмотря на грохот автоматных очередей, я ее услышал.

Мы оба посмотрели на край крыши. До него было метра полтора. В принципе у нас есть шанс. Во всяком случае, я слышал о том, что люди падают с девятого этажа и остаются живыми. Может быть и нам повезет?

И нам повезло. Действительно повезло! Прыгать не пришлось.

Сначала из-за края крыши показались две изящные ручки с тонкими длинными пальчиками и ухоженными ногтями. Затем появилось лицо. Сногсшибательная красавица Стелла с укором доброй учительницы посмотрела на меня своими изумрудными глазами, потом дунула на золотую челку, чтобы не лезла в глаза, и через мгновение вся ее спортивная и в то же время по-голливудски изящная фигура, оказалась на крыше. Огонь тут же стал вестись в ее сторону. Но красавица даже бровью не повела. Вот это самообладание! Затем, я даже не успел заметить, в какой именно момент, в ее руках оказались сразу два бластера. Да-да! Я никогда в жизни не видел бластеров, и признать, даже представление о них имею самое смутное. Но это были они – бластеры. Не задумываясь ни на секунду, Стелла открыла ответный огонь. Синие и оранжевые лучи заплясали в воздухе. Послышались свистящие, а потом хлюпающие и шипящие звуки, и по мере того, как Стелла стреляла, автоматный грохот утихал. Я не удержался, выглянул наружу и увидел, как последний из пяти ублюдков, опрокинулся на спину и с шумом опустился на крышу, где в самых разных позах уже лежали его товарищи. На крыше вновь воцарилась девственная тишина.

– Собакам собачья смерть, – выходя из укрытия, с притворной радостью произнес я. – Поднявший меч, от меча да погибнет. Да восторжествует справедливость!

Не знаю, почему я нес эти глупости. Может быть от пережитого страха, а может мне все еще казалось, что все это не серьезно.

Стелла подошла к киллерам, и как полагается, сделала по контрольному выстрелу, каждому.

Наташа, которая тоже все это видела, закрыла глаза и сказала:

– Боже мой, какая жестокость!

Во дает! Эти ребята ее только что чуть не превратили в жареную утку нашпигованную свинцом, а она их жалеет. Нет, я никогда не понимал женщин. С детского сада они для меня самая большая загадка вселенной.

После этого она прижалась ко мне и зарыдала. Представляете? Самая красивая девушка факультета, прижалась ко мне и плачет, а я держу ее за плечи и пытаюсь утешить. Нет, сегодня действительно не совсем обычный день! Признаться, я был тоже не прочь поплакать. Если бы рядом не было Стеллы, я бы обнял Наташу и с удовольствием порыдал бы вместе с ней. Но деловой вид моей новой знакомой и ее полное спокойствие подействовали на меня отрезвляюще. В сопровождении рыдающей однокурсницы я подошел к Стелле и со страхом глянул на убитых. Я ожидал увидеть море крови, оторванные руки и ноги, продырявленные головы. Твердый комок заранее подкатил к горлу. К моему великому удивлению ничего этого не было. Не было никаких трупов. Передо мной лежали пять пар джинсов, столько же кроссовок, пять рубашек и длиннополых плащей и шляпы стэтсон, все очень дорогое и качественное, и автоматы. Рубашки, правда, были испорчены полностью. Стелла изрешетила их беспощадно. Только дымок и зеленоватый пар витал от всего этого в воздухе, и пахло почему-то хвойным мылом.

– А где эти? – заикаясь, спросил я. – Где киллеры?

Стелла посмотрела на меня, затем подобрала автомат и внимательно его осмотрела, только после этого произнесла своим сексуальным бархатно-низким голосом:

– Это не киллеры. Это ворги.

– Ворги! – воскликнул я. – Те самые?

– Да. Можешь не бояться. Их больше нет.

– Это я вижу, – согласился я.

– В следующий раз, если ты отстанешь от меня, я могу не успеть, – сказала Стелла и снова посмотрела на меня с укором доброй учительницы. Странно, несмотря на всю крутизну, что-то в ней было от учительницы начальных классов.

Я не мог с ней не согласиться. Собственно говоря, я и не собирался от нее убегать. Просто Наташка со своей дурацкой ревностью все испортила. Она и сейчас, как только услышала, что я заговорил со Стеллой, сразу перестала рыдать и тут же, снова стала смотреть на меня злобной кошкой. Оказывается, чтобы красивая девушка обратила на тебя внимание как на мужчину, достаточно всего лишь завести себе другую красивую девушку. Все очень просто!

– В чем же все-таки дело? – вцепилась в меня Наташа. – Сейчас же объясни!

– Понимаешь, – забормотал я, – оказывается, я пришелец. Инопланетянин. А эти отморозки – ворги. А вот это Стелла. Она тоже инопланетянка и сказала, что они...

Наташа посмотрела на меня, как на сумасшедшего. Я замолк на полуслове. Ну да, я бы точно так же посмотрел на того, кто бы мне такое сказал.

– Ты сбрендил? – в глазах у нее появилась жалость. Именно так смотрят на сумасшедших. – Если ты пришелец, то я русалочка!

– Смотри, какие классные шмотки, – сказал я, чтобы отвлечь ее внимание. – Мне они велики, но их можно выгодно толкнуть.

В Наташиных глазах тут же зажглись огоньки любопытства. Зато Стелла впервые за все это время глянула на меня с недоумением. Оно и понятно. Она ведь, как я уже сказал, тоже инопланетянка. Только, в отличие от меня, ничего не смыслит в земной жизни.

– Что такое шмотки? – спросила она.

Наташа посмотрела на Стеллу с презрением. Она еще не знает, что Стелла не местная.

– Шмотки – это вещи, – объяснил я.

– А зачем ты собрался их толкать? Они что такие тяжелые?

– Немного баксов не помешает.

Кажется, я ее еще больше запутал. Зато Наташа торжествовала:

– И ты связался с этой дурой? Или тебе только ее прикид приглянулся?

– Прикид? – опять повторила Стелла. Из супер вуман она все больше и больше превращалась в учительницу начальных классов, у которой разбежались все дети.

– Я же говорю, она чокнутая!

– Мне не нравится, когда со мной так разговаривают! – вдруг резко и по-учительски строго ответила Стелла. Кажется, Наташин тон ее задел. Женщины как никто умеют обижаться на пустяки.

– А кто ты такая вообще? – Наташка тоже тут же взбесилась.

– А ты кто такая? – в тон ей ответила Стелла, и глаза ее как-то недобро вспыхнули. Я тут же вспомнил, что он не учительница.

И они действительно начали ссориться. Вот уж чего нельзя было допустить, так это межпланетного конфликта.

– Не забывай, милая, – взял я Наташу под руку, – эта дама только что спасла нам жизнь.

– Я спасала только тебя, – тут же поправила Стелла. – Эта глупая и безвкусно одетая девица мне безразлична.

– О, ни фига себе! – У Наташи отвисла челюсть. Впервые за три года я увидел, что она ничего не смогла ответить сразу. Но потом она все же взяла себя в руки, выдохнула воздух и крепко взяла меня за руку. – Спасибо вам большое, но теперь мы должны откланяться. У нас очень важное дело. А тряпки можете взять себе. Вы их заработали. Нам обноски не нужны.

Последнее она явно переборщила. У Стеллы прикид был не меньше чем на тысячу зеленых. Но важное дело у нас действительно было. Я посмотрел на часы. Было уже пол второго. Мы еще могли успеть на экзамен по топографической анатомии.

– Да, пожалуй, нам действительно надо идти, – пробормотал я. – Я, конечно, все понимаю. Но сейчас опасность миновала. Так что с продолжением можно повременить. А то наша Топочка, то есть преподавательница по топографической анатомии, такая вредная. Ни за что не даст пересдать, если мы сегодня опоздаем.

И опять в зеленых глазах Стеллы вспыхнуло недоумение.

– Ты не понял, – мягко, но настойчиво сказала она. – Это только начало. И времени у тебя больше нет ни минуты. Это были всего лишь разведчики. Передовой отряд. Они нашли тебя, Адал.

– Как она тебя назвала? – Наташа поглядела на меня странным взглядом. Так подозрительно смотрят на сумасшедших или шпионов. Действительно дурацкое имя. Никогда не слышал такого слова. С ударением на первый слог. Но, тем не менее, это мое новое имя.

– Потом объясню, – отмахнулся я от Наташи.

– Да уж, будь любезен. Но сейчас пошли. Ираида ждать не будет. А я не хочу из-за тебя вылететь из универа.

Это был весомый аргумент. Подвести Наташку я не мог. Просто не способен на такое. Да и про себя забывать не надо. Мне ведь тоже нужен диплом врача. Хотя зачем он мне теперь?

Вдруг всем нам стало тревожно. Что-то вокруг изменилось. Стелла напряглась и сощурила глаза, руки ее потянулись к бедрам, как у киношного ковбоя, который собирается кого-нибудь пристрелить.

– Они уже здесь! – прошептала она. – Бегите. Я их задержу.

Последние ее слова потонули в грохоте работающего двигателя. Вертолет появился неожиданно, а главное ниоткуда. Возник прямо в воздухе. Я даже глазам своим не поверил. Столько раз видел его по телевизору, но в жизни все оказалось в сто раз грандиознее. Черная Акула. Летящий танк. И, кажется, этот танк прилетел за нами.

– А это еще что такое? – воскликнула Наташа. Бедная девочка. Ну и попала она в историю!

Договорить она не успела, потому что я схватил ее за руку и увлек за собой к открытому люку. И опять вокруг все загрохотало. Загremели по бокам взрывы. Крыша дрожала под ногами, от пулеметных очередей фонтанами разлетались куски битума. Не знаю, что нас спасло, и почему ни одна из пуль в нас не попала. Наверно опять работа Стеллы, которая бежала за нами, и как бы прикрывала собой наше отступление. Она не только бежала, но еще и успевала отстреливаться. Только теперь в руках у нее была какая-то здоровенная железяка, из которой она бухала по Черной Акуле.

Грохот стоял просто адский. Внизу наверно, если там еще кто-то остался, решили, что началась война.

Уже у самого люка, спуская вниз Наташу, я увидел, как вертолет, который крутился прямо над нами и продолжал изрыгать кипящий в огне свинец, вдруг взорвался. Стелла все-таки подстрелила его. Тугая волна взрыва отбросила меня в сторону, в глазах все потемнело, что было дальше, помню очень смутно. Последнее что я увидел, были озабоченное лицо Стеллы и испуганные глаза Наташи.

Когда я открыл глаза, то первое, что увидел, было солнце. Большое, в полнеба, круглое, и темно-оранжевое. Оно наполовину было за горизонтом. Пока непонятно, что это рассвет или закат. Зрелище конечно чертовски впечатляющее, в другой раз оно бы меня просто потрясло, но сейчас мне было не до пейзажей. Я не без труда поднялся на ноги и огляделся.

Вокруг была пустыня. До самого горизонта и во все стороны. Ровная, как скатерть и без какого-то ни было признака человеческого жилья.

В метрах пятидесяти от меня на пологом песчаном бархане на фоне коричневого неба был виден силуэт девушки. Она шла ко мне. Не трудно было догадаться, что это Стелла. Хотя одежда на ней теперь совсем другая. Вместо черных облегающих кожаных брюк и заклепанной куртки, на ней была коротенькая черная туника без рукавов, а длинные золотые волосы были распущены и красиво лежали на ее крепких обнаженных плечах. Увидев, что я поднялся, Стелла не спеша, пошла в мою сторону.

– Сережа!

Я оглянулся и увидел Наташу. Господи! Вот теперь я удивился по-настоящему и почти поверил во все происходящее.

Наташа сидела на песке шагах в пяти и с обалденным видом смотрела на меня.

– Наташа?

Лицо конечно было ее. Фигура тоже. А вот платье! Мне даже на какое-то время стало смешно. Наташа была похожа на бродяжку. К тому же еще босая. Босая!!! Наташа Серебрякова – самая шикарная девушка факультета. Мечта всего нашего потока, вернее его мужской половины. Дочь богатых родителей, которая зимой ходит в норковой шубе и на занятия ее подвозит папин шофер, сидит сейчас передо мной в лохмотьях, которые наверно когда-то были мешком для угля, и смотрит на меня большими изумленными глазами. И лицо у нее чумазое. Наверно такое было у Золушки до того, как она переквалифицировалась из кухарки в принцессу.

Сначала я хотел расхохотаться, но потом мне пришло в голову осмотреть себя. Я глянул вниз и ахнул. На мне был длинный до земли темно-синий хитон, достаточно богатый, хотя и сильно потрепанный и пыльный. Талию обвивал желтый шелковый кушак, расшитый искусной вязью. На пальцах рук я увидел многочисленные кольца и перстни из неизвестного мне металла и с незнакомыми, но красивыми камнями. С шеи свисал на толстом белом шнурке круглый талисман с непонятными знаками. Но самое главное, волосы мои были длинными и густыми, и поддерживались тонким кожаным ремешком. Рукой я нащупал коротенькую аккуратную бороду.

– Сережа, это ты?

– Нет, это не я! Это мой двоюродный брат.

– Что с нами такое происходит? – в голосе у Наташи послышались слезы. Она опять решила разрыдаться. Наверно еще не вышла из состояния шока. – Кто мне все это объяснит, в конце-то концов?

Я подошел к однокурснице, опустился на колени, обнял ее и погладил по голове. Как маленькую. А что я еще мог сделать? Затем добавил:

– Просто мы опоздали на экзамен по топочке. Как ты думаешь, Ираида нам поверит?

И тут Наташа заревела от души.

Тихо подошла Стелла и положила мне руку на плечо.

– Ты сделал это, Адал! – радостным и торжественным голосом сказала она.

Что я сделал?

И тут вдруг из-за горизонта показалось еще одно солнце, оно было совсем недалеко от первого, которое уже почти полностью заполнило небосвод, но в отличии от него было белым как снег. Сразу стало очень светло.

Вы когда-нибудь видели, чтобы в небе было сразу два солнца? Видел ли я? В кино да. В «Звездных войнах» Лукаса, в пятом эпизоде кажется. А вот в жизни... до меня вдруг дошло, что то, о чем говорили Стелла и Нордиус, свершилось, и я сделал это. Я переместился в другой мир. Каким образом это произошло? Одному Богу известно. Во всяком случае, я ничего не почувствовал.

Вот теперь я окончательно поверил, что я инопланетянин. Пришелец!

Несколько секунд я стоял с обалденным видом и не мог ничего сказать. Наташа смотрела на меня, и поэтому второго солнца не видела и по-прежнему ничего не понимала. Только Стелла была спокойна, но в ее зеленых глазах оставалось то легкое еле скрытое беспокойство, на которое я сразу обратил внимание, как только увидел ее.

Да, надо бы собраться с мыслями. Поневоле, в моей голове прокрутились все невероятные события, которые произошли с нами за последний час.

А ведь еще час назад все было обыденно и не предвещало ничего из того, что потом обрушилось на мою ничего не подозревающую голову.

Я приехал в университет к одиннадцати часам, как всегда в день экзамена. Раньше приезжать просто нет смысла, потому что девчонки из группы все равно занимают очередь с самого утра, и даже если припрешься к шести, то все равно опоздаешь. Они уже будут на месте – дрожащие, с огромными от ужаса глазами, не выспавшиеся, потому что всю ночь зубрили, и от этого злые, как фурии. Связываться с ними, себе дороже. Приходить поздно тоже опасно. Если зайдешь после двенадцати, то раньше трех не сдашь, а это значит, что легко можно залететь. Экзаменатор к трем часам устает, начинает нервничать и злиться, легко раздражается, да и отношение у него к сдающим уже явно отрицательное, потому что он твердо уверен, что те, кто сдает последними однозначно лодыри и ничего не знают. В одиннадцать часов самый раз. Золотая середина. Я вообще сторонник золотой середины. Не терплю крайностей ни в чем.

К тому же, тут есть еще одна веская причина. Дело в том, что в нашей группе среди ребят я являюсь, как бы таким спасательным буйком, к которому в случае беды плывут те, кто вдруг начинают тонуть. А такое случается не так уж и редко. У меня с детства какая-то феноменальная способность подсказывать. В любой момент могу состряпать шпору и послать тому, кто в ней в настоящее время нуждается. Вот такой невредный и добрый отличник. А что еще делать на экзамене? Времени море – не меньше часа, а то бывает и полтора. С ума можно сойти от скуки. Свое задание, как правило, я выполняю за десять, максимум пятнадцать минут, так что возможности для благотворительности есть. Все, конечно, это очень высоко ценят, и поэтому меня всегда пропускают центральным, чтобы я был и при тех, кто зашел до меня, и при тех, кто после.

Наташа Серебрякова всегда шла передо мной. Так сложилось еще с первого курса. Это вообще отдельная история. В общем, она девушка конечно красивая, и даже очень: светло-голубые глаза, темные волосы, ямочки на щеках и подбородке, чуть вздернутый носик, четкий контур губ манит и заставляет мечтать, фигура вообще как у Клаудии Шиффер, но дело совсем не в этом. Говорят, что красавицы почти все недалекого ума. Так вот это о Наташе. Речь, конечно, идет об учебе, потому что душой ее тоже назвать нельзя. Неизвестно как, но она сразу углядела, что я отличник, и под села рядом на первой же лекции. Ох, и завидовали мне все тогда! Хотя чему? Все, что я мог себе позволить, так это сделать за нее контрольную или решить тест, составить лабу и всякую тому подобную мелочь. Все! Дальше учебы наши отношения не заходили. Да я и не пытался куда-то их завести. Меня вполне удовлетворяла моя роль добровольного подсказчика и однокашника. К тому же, если говорить честно, девушки меня не особо интересуют. За ними надо ухаживать, с ними как с собаками надо гулять, а потом еще и провожать. Да, собственно говоря, с ними и говорить-то не о чем. Компьютеры они не любят, сайнфикшен и фэнтэзи не читают, а о тряпках я и сам трепаться не люблю. Скучота! То ли дело интернет! Да и, если уж говорить честно, на прямую, не такой уж я красавец. Хотя конечно не доходяга. Плечи широкие, рост – метр восемьдесят, несколько худощав, но думаю, с возрастом это пройдет, прическа часто растрепана, зато перхоти нет, это точно. Лицо? Нормальное лицо. Овальное. Все черты правильные, пропорции соблюдены. Волосы? Каштановые. Очень редкий оттенок, кстати. И хотя я не Филипп Киркоров и даже не Николай Расторгуев, уродом меня тоже не назовешь. В общем, нормальный чувак. На первом курсе девчонки даже пытались со мной флиртовать.

Но уж больно я робок!!!

Честное слово! С детства, сколько себя помню, стесняюсь девчонок. Ну не могу с ними нормально общаться. Нормально, это значит, крутить шуры-муры. Если там просто по делу, туды-суды, дай списать, подкинь учебник, это пожалуйста, это всегда. А в кино пригласить, или на дискотеку, тут я просто теряюсь. Начинаю краснеть и несу всякий бред. Так что девушки от меня очень скоро отваливают. М-да...

Зато, когда дело касается учебы, тут я во всеоружии. Все девчонки мои! В такие моменты плечи мои расправляются, на лице появляется снисходительная улыбка, и я чувствую себя самым нужным для всего женского пола человеком. А Наташа, так вообще за пять дней до экзамена, бросает всех своих дружков и не отходит от меня ни на шаг. Я даже готовлюсь (если это можно так назвать) у нее дома. Мама ее и папа меня обожают, кормят на убой и ходят по квартире на цыпочках. Вот дни моего триумфа. Шикарно!

И вот в такой торжественный и приятный для меня день, все изменилось. Я пришел к аудитории. Ребята мне сказали, что Наташка уже вошла и вытащила черный билет (то есть, полный глушняк) и уже два раза спрашивала через выходящих, не пришел ли я. Так что меня там ждали и даже очень. Я поправил встрепанные волосы, проверил пульс – все в норме. Получил напоследок дружеские похлопывания по плечам от ребят (они считают, что я могу принести удачу), и уже собрался войти в аудиторию, как вдруг в коридоре появляется она – шикарная блондинка. Шарон Стоун и Синди Кроуфорд в одном лице, рост метр семьдесят пять, ноги растут чуть не из плеч, вся в крутейшем прикиде. Она огляделась по сторонам и вдруг пошла к нашей компании. Походка! Мы все так на нее и уставились. Даже я. Экзамен тут же был забыт!

А она продолжала идти, слегка покачивая бедрами с гордо поднятой головой, словно идет по подиуму, а не по зашарпанному коридору университетской рекреации. Подошла к нам. И, без всякого, оглядела всех смелым, чуть ли не вызывающим, взглядом. Мы все так сразу и распетушились. Посыпались возгласы:

- Ничего себе девочка!
- Цыпочка!
- А почему мы такие строгие?

– Девушка, а как вас звать? А кого вы ищите?

– А вы, с какого факультета? Почему-то я вас раньше не видел!

И всякое такое. В общем, глупости. Что еще можно сказать, при виде такой недоступной красавицы, к которой и подойти можно только толпой?

А она вдруг сразу стала строгая и недоступная (вот когда я впервые подумал, что она похожа на учительницу), затем остановила взгляд своих изумрудно-зеленых глаз на мне. Во взгляде ее вдруг на мгновение сверкнула тревога и неуверенность, но она быстро подавила ее и мягким, но твердым голосом спросила:

– Это ты, Стрельников Сергей Юрьевич?

Вот это удар! По башке всем, и громче всех по моей.

– Я, – пролепетал я.

– Пройди, пожалуйста, за мной в кабинет декана. Мне надо кое о чем с тобой поговорить. Это очень важно.

Я сразу вспомнил о том, что в аудитории меня ждет Наташа и наверно уже глотает успокоительные капли, и пробормотал:

– Вообще-то мне сейчас надо на экзамен. Топографическая анатомия, знаете ли...

– Серый! – тут же хлопнул меня по плечу наш главный ловелас и специалист по женскому полу Витька Задорнов и слегка подтолкнул. – Никогда не говори с девушками о компьютерах!

– Это очень важно, – повторила девушка, на Витьку она даже не посмотрела. – И не займет много времени.

Не говоря больше ни слова, она повернулась, и пошла в сторону деканата. Мне ничего не оставалось, как последовать за ней.

За спиной сразу послышались вдогонку завистливые замечания:

– Во Стрелка дает! – Стрелка – это мое прозвище, чисто производное от фамилии. К собаке, которая летала в космос, никакого отношения не имеет. К крутым мафиозным разборкам тоже.

– А еще тихоней прикидывается!

– Таких девочек снимает!

– Дурак, это не он, это его снимают!

– Точно! Она наверно со стоматологии, пятикурсница, хочет Стрелку на диплом припахать.

Парни расхохотались. И все-таки в их смехе я очень хорошо уловил плохо скрытую зависть.

Через минуту мы уже были в кабинете декана. Красавица закрыла дверь, и мы остались один на один. Она еще раз посмотрела на меня. В этот раз внимательно и с ног до головы, осмотрела как холодильник, который собирается купить. Видимо я ей понравился. Что-то в ее глазах потеплело. Мне стало неловко.

– Красивый мальчик, – тихо сказала она. – Истинный Атрейосс.

Ни фиги себе! Это она про меня что ли? Если до этого, я был удивлен, то теперь, меня словно палкой по голове ударили. Бам-с!!! Может это чья-нибудь глупая шутка?

– Я должна сообщить тебе кое-что очень важное, – продолжала эта ну очень красивая девушка, которая к тому же назвала меня красивым мальчиком. – У нас очень мало времени. С минуты на минуту они будут здесь.

– Кто они?

– Ворги.

– Кто?

– Сейчас ты все узнаешь. Только отнесись ко всему серьезно. – Теперь она больше походила на добрую и внимательную медсестру из реанимационного отделения.

Я уже совсем ничего не понимал. Незнакомка протянула руку, и я увидел в ней маленький белый бриллиант. Она положила его на стол, и вдруг вокруг бриллианта стало распространяться прозрачное серебристое сияние.

– Ух, ты, здорово! – Я сразу обрел способность говорить. Люблю странное и необычное. – Что это такое?

– Подожди, – мягко сказала моя таинственная красавица. – Не надо разговаривать. Надо слушать.

Серебристое сияние стало размером с человека, а потом вдруг приняло очертания, и я с открытым ртом уставился на полупрозрачный и мерцающий человеческий силуэт. Это был мужчина лет пятидесяти, с короткими седыми волосами и небольшой бородкой, закутанный в какой-то зеленый балахон. Он посмотрел на меня и вдруг заговорил:

– Здравствуй, Адал! – Мой рот открылся еще шире. Сами понимаете, одно дело – видеть все это в первом эпизоде «Звездных войн», другое наяву. К тому же, этот тип явно обращался ко мне. – Ты сейчас конечно очень удивлен, но тебе придется кое-что узнать. Это очень важно. И постарайся все же ничему не удивляться. Дело в том, что я Нордиус, герцог Атрейосс, президент пятой квинтсекции триста двадцать седьмого сектора и младший брат нашего Императора. Теперь самое главное. Полчаса назад планета Грифон, где находится резиденция нашего рода, была атакована спецфлотом преторианской гвардии. Они сбросили на нас три дивизии из Легиона Свирепых леопардов. Мои десантники доблестно бьются с императорскими гвардейцами, на их слишком мало, и противник захватывает сектор за сектором, квадрат за квадратом. Через пять минут они будут уже здесь. Но им не взять меня живым. Я уже принял разрушающий мозг яд, так что они найдут только мое брненное тело. Мои знания и открытия им не достанутся. Император проиграл!

Неизвестно каким образом я оказался на стуле, но стоя слушать и видеть все это было невозможно. А этот, Нордиус, или, как его там, герцог Атрейосс продолжал:

– Ты спрашиваешь меня, мальчик мой, почему император натравил на нас своих гвардейцев? Я объясню. Матрица. Матрица бессмертия и беспредельного совершенства. Я создал ее. Сорок лет мне понадобилось, чтобы синтез бирония и седьмого фризония и формула Великого Схимника дали результат, и я его добился. Как обидно, что я не успел ею воспользоваться! Кто же думал, что шпионы Императора узнают все так скоро? Литвиний, мой первый министр и личный врач нашей семьи оказался предателем. Кто бы мог подумать? А ведь по приказу императора его жена была обесчещена и задушена преторианцами. Я всегда был уверен в нем. Оказывается, я ошибался. Что ж, как все гении, я слишком наивен. Так получилось, что все мои работы были известны брату еще тогда, когда я только начал их. И по мере того, как результат становился ближе, ближе была и та ловушка, которая сужалась вокруг меня. Ты слушаешь?

Я кивнул.

– Очень хорошо. И все же, повторяю, император проиграл! Я перехитрил его. Беспредельное Совершенство уже дало мне кое-какие возможности. Я поместил матрицу в своего малолетнего сына от семнадцатой жены и спрятал мальчика в пересекающихся во времени коридорах Лабиринта живых миров. Как ты понимаешь, эту возможность тоже дала мне Матрица. А чтобы, запутать посланцев Императора и пустить их по ложному следу, потому, что, рано или поздно он тоже получит возможность пересекать пространство и время, я сделал моему сыну четырех дублей. Не удивляйся! Тут нет ничего сложного – обыкновенное клонирование. Пять маленьких мальчиков были отправлены в лабиринт, и всех их охраняет Матрица, потому что она есть в каждом из них. Пока они разобщены, никто не в состоянии собрать ее воедино. И только один из пяти, тот, кто рожден женщиной, обладает способностью уходить к своим копиям, где бы они не находились, и забирать у них, то, что принадлежит по праву только ему. – Нордиус сделал паузу, а потом торжественно поднял правую руку и протянул ее в мою сторону. – И это ты, мальчик мой! Мой сын! Мой юный герцог. Да! Когда ты будешь

говорить со мной, меня уже не будет, и титул герцога будешь носить ты. Ты продолжатель рода Атрейоссов. И только ты сможешь одолеть Императора. Бойся его. Это твой главный враг. Он сделает все, чтобы уничтожить тебя, и овладеть Матрицей. Главное, ты должен успеть воссоздать ее. После этого ему тебя не одолеть. Мое послание тебе передаст Стелла, леди Райзенкампф. Она командир моего легиона Звездных волчиц, так что можешь доверять ей во всем. Ее задание – помощь и охрана. Я отправил ее вслед за тобой, дальше уже твоя задача перемещать ее за собой. – Он опять сделал паузу, грустно улыбнулся и сложил на груди руки. – Все, сын, мое время истекает. Мне трудно говорить. Я не хочу, чтобы ты видел, что будет дальше. Прощай, мой мальчик. Удачи тебе!

И силуэт Нордиуса погас. На столе, где лежал бриллиант, ничего не было. Некоторое время я молчал. Стелла смотрела на меня и тоже ничего не говорила.

– Забавно! – наконец выдохнул я. – Я бы даже сказал круто! Это что, шутка? Кто тебя послал? Женька? Женька Матвеев?

– Ты все еще не веришь? – спросила Стелла.

– Конечно, не верю! Фокус конечно отпадный. Интересно, как это все работает? Далеко прошла кибернетика.

– Это не фокус!

– То есть ты, пардон, вы – инопланетянка? И я тоже?

– Да.

В голосе что-то было такое, что я сразу стал серьезным. Она все же заставила меня задуматься. Почему-то сразу вспомнились годы раннего детства. Меня всегда удивляло, что я помню себя только лет где-то так с пяти, а что было раньше, покрыто полным мраком. Не помню абсолютно ничего! Никаких обрывков! Ничего! Хотя, как уверяют психологи, у подавляющего большинства людей такая же проблема, так что я никогда не ломал над этим голову. Раз не помню, так не помню. Зато с пяти лет я себя помню отчетливо, а при некотором усилии даже могу по деталям воспроизвести любой день. Не правда ли в этом есть противоречие? Раньше я не ломал надо всем этим голову, а сейчас почему-то сразу отчетливо возник вопрос, который меня всегда чуть ли не мучил. Фотографии! Да, в нашем семейном альбоме, а это несколько толстенных томов (Моя мама просто фанатка фотографии!), нет ни одного моего младенческого фото. Опять же пятилетнего меня уже полным-полно. На мои расспросы родители отнекивались рассказом о пожаре, сгоревшем доме, где, якобы, все это пропало. Звучало это всегда несколько неубедительно. Неужели?.. И все же все так невероятно!

– Знаете, что, уважаемая Стелла, то есть госпожа Райзенкампф, давайте поговорим об этом после того, как я сдам экзамен. Видите ли, Ираида Ивановна очень строгий преподаватель, и если я сейчас не пойду туда, то мне, а особенно одному человеку, будет очень плохо. Да, если бы дело было только во мне... а так... в общем, я не могу ее подвести!

Стелла решительно прервала мое невнятное бормотание.

– Ворги появятся с минуты на минуту! – сказала она и положила мне руки на плечи. Никогда в жизни ни одна девушка так не прикасалась ко мне. Я вздрогнул. Сил для сопротивления у меня уже почти не было. – Они убьют тебя и доставят твои мозги Императору.

Господи! Что за бред? Неужели я во все это верю? Кому это понадобилось сделать мне трепанацию черепа? Этот император, он что маньяк? Тогда почему именно я?

– Но этим дело не кончится, – продолжала Стелла. – Весь этот мир также будет уничтожен.

– Уничтожен? – воскликнул я.

– Да. В наказание за то, что укрывал тебя. Таков приказ императора. Там где был ты, не должно остаться ни одного разумного существа.

– Бред какой-то!

– Если ты хочешь спасти этот мир, то должен срочно покинуть его и отправиться со мной на поиски Матрицы Совершенства. Только овладев ею, ты сможешь противостоять воргам.

Согласитесь, что ничего нет странного в том, что до меня с трудом доходило все то, что я слышал. Одно мне стало ясно, опасность грозит мне и всей Земле. И меньше всего мне хочется стать причиной гибели нашей, может быть в чем-то и не совсем совершенной цивилизации. Мало у нее своих проблем? Гонка вооружений, международный терроризм, тепловой эффект, экологическая катастрофа. Теперь прибавился еще и я. Здорово! Разумеется теперь, как и полагается порядочному человеку, я должен покинуть этот мир, чтобы он из-за меня не погиб. Все очень просто!

– Внизу у меня есть машина, – Стелла словно прочитала все мои мысли. – Мы должны быть как можно дальше от этого сектора.

– От этого сектора! – эхом повторил я и вспомнил все те же «Звездные войны», где злодеи уничтожили целую планету, затем почему-то плавающие в спирте мозги на полочке в анатомическом кабинете. – Я готов!

Мы стремительно вышли из деканата и стремительно направились к лифту. Стелла впереди, я за ней. У дверей лифта толпился народ. На нас сразу уставились со всех сторон. Когда пластиковые двери разошлись, Стелла вошла в лифт, и все хлынули за ней, меня немного оттеснили, и я оказался в последних рядах. И тут в мое плечо вцепилась чья-то рука. Даже больно стало. Неужели ворги уже добрались до меня? Я обернулся.

Это была Наташа. Волосы у нее на голове стояли дыбом от возмущения и обиды.

– Ты что с ума сошел? – зашипела она на меня словно обозленная кошка. – Я тебя столько жду! Уже трое вошли, тебя все нет! Еле-еле у Ираиды выпросилась в туалет. У меня провал полный. А ты тут романы заводишь! Хорош друг!

Я глянул на Стеллу. Она пыталась пробиться ко мне. Двери закрылись, и я успел заметить в ее глазах растерянность.

– И ради этой кикиморы ты предаешь три года нашей священной дружбы? – чуть не со слезами набросилась на меня Наташа. Надо же! Она успела ее заметить.

Я ничего не успел ей объяснить, потому что увидел в конце рекреации пятерых молодых людей. Они шли прямо к нам, и видуха у них была такая..., и сами они такие, ну такие крутые, ну просто круче даже чем крутые яйца, так что я почему-то сразу догадался, что это они.

– Ворги, – тихо произнес я.

– Чего? – всхлипнула Наташа и схватила меня за руку. – Пошли быстрее, я же по-маленькому отпросилась. Хотя Ираида все равно сказала, что мне другой билет вытаскивать и на бал ниже. И все из-за тебя! Ну же!

Я увидел, как в руке одного из парней блеснул металлом то ли пистолет, то ли автомат. Ни фиги себе! Это что, кино снимают? Оцепенение, которое до этого сковало меня с ног до головы, тут же куда-то делось. Я побежал к лестничному пролету. Наташа, которая держала меня невероятно крепко, тут же была увлечена вслед за мной. Мы чуть не упали, но вовремя спрятались за угол. И тут началась стрельба. Что было дальше, я, кажется, уже рассказывал.

Вот так! Подведем итоги. Я – инопланетянин. Нахожусь неизвестно где, за тридевять земель от дома, да еще в обществе двух красоток. Ну, разве не об этом мечтает каждый нормальный двадцатилетний парень, у которого все общение с женским полом проходит только на сайдах ФИДО? Странно, но я не ощущаю той беспредельной радости, какую бы должен.

– Так кто-нибудь объяснит мне, что происходит? – взывала Наташа. От слез ее настроение быстро стало перемещаться в сторону ярости. Мне это знакомо.

Я показал ей на небо, где разгорались два светила, и она долго смотрела на них и ничего не могла сообразить. В конце концов, мне стало ее жалко.

– Мы на другой планете, Наташа, – сказал я. – Я же тебе уже сказал, что я пришелец. Ты не поверила. Я тебе еще раз говорю. Я пришелец!

– Что?

– Что слышала! Третий раз здесь повторять не принято. – Может быть я и груб, но иногда, знаете, бесит, когда кто-то не понимает очевидного.

– Пришелец! – всхлипнула Наташа. – Черт бы побрал всех пришельцев, и тебя в первую очередь! А почему тогда ты не зеленый?

Видали, какие у нее представления об инопланетянах? На уровне пенсионерок.

– Еще позеленею! – успокоил я Наташу.

Она посмотрела на меня и опять всхлипнула.

– Я домой хочу!

Солнце стремительно поднималось, заливая все вокруг ярким белым светом, от которого сразу стало больно глазам. И сразу тяжелой плотной волной навалилась жара.

– Надо идти, – сказала Стелла. Она уже не была похожа ни на учительницу, ни на медсестру. Теперь перед нами был солдат. Космический боец. Звездная волчица. Вся вселенная была у ее ног. И она готова была идти сколько угодно, и куда угодно. А вот Наташа совсем расклеилась.

– Куда? – простионала она. – У нас же экзамен!

Во, дает! Даже сейчас помнит про этот дурацкий экзамен. Неужели не понимает, что мы вообще можем больше никогда не оказаться на матушке Земле?

Я посмотрел на Наташу и понял, что она действительно этого не понимает. Почему-то мне не захотелось втолковывать ей свои умозаключения. Пусть не понимает. В этом ее счастье. Я просто сказал:

– Пойдем, не сидеть же здесь на этом милом пляжике. Надо бы и искупаться. А чтобы искупаться, надо найти воду. Интересно, в какой стороне море?

Она поднялась с песка и вдруг обратила внимание на свой вид. Ну-ну! По-моему, ее это потрясло куда больше чем два солнца в небе.

– Что это такое? – Брезгливо, словно змею, подняла она подол своего платья.

И тут вмешалась Стелла.

– Это называется лохмотья, – сказала она не без яда в голосе.

Наташа с завистью посмотрела на наряд соперницы, и ее ненависть к Стелле возросла во сто крат. Я попытался ее успокоить:

– Ты и так красивая. Это платье тебе очень идет. Ты в нем похожа на эту, как ее, Золушку.

– Дурак!!! – закричала Наташа. – Если тебе так нравятся эти тряпки, то я с удовольствием с тобой поменяюсь.

И она посмотрела на мой наряд. Мне показалось, что в ее взгляде опять мелькнула зависть. Надеюсь, про обмен она сказала несерьезно. Конечно я не сноб, смогу обойтись и лохмотьями, но уж больно разные у нас с Наташей размеры.

– Мне кажется, что не стоит так горячиться, – как мог, я попытался успокоить ее. – Ты действительно очень красивая. Тебя ничего не в состоянии испортить.

Никогда я не говорил такого вслух. Но чего не сделаешь, чтобы удержать ситуацию под контролем? К тому же с той минуты, как мне стало известно, что я не землянин, я стал чувствовать себя несколько увереннее. Полезно, понимаете ли, оказаться пришельцем. Во всяком случае, ничего похожего на уныния в моей душе не было. Только где-то далеко в уголках подсознания свербила мысль о том, что на экзамен по топочке мы с Наташей попадем теперь не скоро. Но я быстренько постарался спрятать ее еще подальше.

– Надо идти, – опять прервала наш диалог Стелла.

– Куда? – хором спросили мы.

Стелла посмотрела по сторонам, и опять в ее глазах я увидел неуверенность, и вздохнула:

– Куда-нибудь.

Все с ней понятно. Типичная солдатская психология. Человек чувствует себя неуверенно, когда ему никто не отдает приказы. Принятие самостоятельного решения для таких людей – дело весьма сложное.

– То есть, как это, куда-нибудь? – тут же возмутилась Наташа. – А если мы попадем не домой?

– А ты знаешь, где дом? – спросил я.

– Нет.

– Тогда мы с удовольствием выслушаем твои предложения. Ты согласна, Стелла?

Звездная волчица кивнула и с усмешкой уставилась на Наташу. Та сразу сникла. Предложить ей было нечего.

– Голосование отменяется за неимением альтернативных предложений, – сказал я. – Остается только одно.

– Что? – теперь уже девичий хор спросил меня.

– Надо кинуть жребий. – И я достал из мешка, который висел у меня на поясе овальную монету с истертыми поверхностями. – Довериться, так сказать, судьбе. Орел, идем навстречу солнцам, решка – повернемся к ним спиной и будем жарить затылки. Как вы, девочки?

Кажется, я действительно стал самоуверенным нахалом. И эта моя наглость тут же дала результат. Они обе согласно кивнули. Отлично! Мне удалось взять инициативу в свои руки. И это с такими крутыми девицами!

Я кинул монету. Она упала на песок и воткнулась в него ребром. Думаете, я растерялся и тут же потерял весь свой кураж? Ничуть не бывало.

– Все ясно! Идем туда, куда показывает острый конец. Я уверен, что там и находится наша судьба.

И сам первым пошел туда, куда, как я полагал, ведет нас дурной рок. Девочки пошли за мной. Стелла твердым солдатским шагом, готовая в любую минуту дать отпор кому угодно. Наташа поплелась не так уверенно. Тут же зашипела, как сало на сковороде, потому что горячий песок обжег ей ноги.

– Сережа! – заныла она. – Отдай мне свои сандалии!

Как рыцарь и настоящий мужчина, я должен был тут же разуться и отдать свою обувь моей спутнице, но что-то подсказало мне, что не стоит этого делать. И почему это некоторые девушки думают, что все их желания должны в любую минуту быть удовлетворены? Разве мы живем не в век эмансипации женщин? В Америке, например, женщины смертельно оскорбляются, если пропустишь их вперед себя в транспорте, а если уступишь место, так вообще могут убить.

– Они тебе велики, – сказал я, собираясь идти дальше.

– И что? По-твоему я должна поджариться на этом чертовом песке? Тоже мне, пришелец!

Между тем Стелла прошла вперед. На нас она не оглядывалась. Прямо Зена – королева воинов! Наташа все же сделала два шага и застонала еще громче. Теперь она посмотрела на меня с искренней болью. Я потрогал песок рукой. Черт, побори! Он действительно уже успел сильно нагреться. Что делать?

Долго раздумывать было некогда. Я оторвал от жалкого подола Наташиного платья несколько полос. Платье сразу стало мини.

– Видишь, все не так уж плохо, – заметил я. – Ты еще покоришь этот мир своими великолепными ногами и искусством одеваться. Да-да, он еще вздрогнет!

Наташа ничего не ответила. Но на ее лице отразилась такая невыносимая мука, что я чуть не расхохотался, но сдержался, быстро опустился на колени и занялся созданием туфелек для Золушки. Говоря проще, я просто стал наматывать на чудные маленькие ножки грубую ткань тряпок. Через две минуты у Наташи была обувь. Конечно это не Пьер Карден, и даже не Гуччи,

но при данных обстоятельствах – это лучше, чем ничего. Я все же не смог не удержаться от комментария:

– Раз уж в свое время ты не занималась йогой и не научалась ходить по горящим углям и гвоздям, придется смириться.

– Издеваешься?

– Угу!

Вы бы видели, как наша принцесса встала на ноги и сделала первые шаги! Как годовалый малыш. А, впрочем, я наверно со стороны выгляжу не намного лучше в этом своем голубом балахоне. Хорошо, что никто из моих друзей не видит меня сейчас. Джизус Крайст – суперстар.

Знать бы мне тогда, что будет дальше. Но, видимо, это даже не всем пришельцам дано. Во всяком случае, я тогда еще не догадывался, какие дела ждут меня на этой планете. А они не заставили себя ждать.

– А где эта, твоя чокнутая? – спросила вдруг Наташа, когда несколько привыкла ходить по песку в новой обуви.

Я все не спускал с нее глаз и поэтому не заметил, как Стелла вдруг исчезла. Только что ее силуэт маячил впереди и наполнял нас уверенностью в том, что мы под надежной защитой. И вдруг этой защиты не стало. Куда же она делась? Сердце мое тут же наполнилось тревогой. Ничего, не сказав, я побежал вперед.

Пять прыжков, и я увидел Стеллу. Она стояла в центре огромной воронкообразной ямы, и на нее, размахивая дубиной, напал практически голый мужик огромного роста и с рельефом бесчисленных мышц. Похоже, что он удрал с соревнования по бодибилдингу. В руке у Стеллы был меч, и она пыталась отбить атаки этого психа, но он был быстр, его дубина крутилась, словно крылья у мельницы. Даже такому опытному бойцу, как Стелла, было трудно пробиться сквозь этот гудящий вихрь.

– Эй ты, придурок! – закричал я и скатился вниз прямо ему под ноги. – А ну сейчас же кончай!

Ну и гигант! Вблизи он выглядел еще более внушительно, чем с расстояния. Он возвышался надо мной как гора. Думаете, он меня послушался? Ничуть не бывало. Его физиономия исказилась кривой усмешкой, и огромная дубина обрушилась на меня.

Где-то далеко испуганно закричала Наташа. Я не успел ничего сообразить, как дубина опустилась рядом со мной и оставила в песке глубокую вмятину. Кажется, мне повезло. А вот нашему Шварценегеру нет. Я все-таки отвлек его своим глупым поступком. Во всяком случае, Стелла без церемоний ударила его ногой прямо между ног.

Не дай бог, пережить такое! Сумасшедший инопланетный культурист из местных выронил дубину, схватился за пострадавшее место и согнулся пополам. Через минуту из его глотки вырвался дикий рев. Бедняга! Мне стало жаль его.

– За что же так? – спросил я.

Стелла пожала плечами, потом любовно погладила лезвие своего меча и куда-то его спрятала. Во всяком случае, ножен на поясе у нее не было. Интересно, как она это делает?

А согнутый втрое пострадавший катался по земле и ревел, словно раненный в бою слон. Глаза у него были выпучены и наполнены страданием. Как человек, которому через несколько лет предстоит дать клятву Гиппократа, я не мог на такое смотреть. Не помочь страдающему я тоже не мог.

– Спокойно, больной! – нагнулся я над ним и положил на плечо руку. – Сейчас я вам помогу. Только прекратите так себя вести. Катание на спине в этом случае не поможет.

– А-а-а! – Таков был ответ. Бедный малый не отличался красноречием и вычурной фразой, но все же внял моим словам и затих. Однако разогнуться по-прежнему не мог.

Что ж, любая проблема имеет выход.

– Поднимите ноги, – сказал я и попытался поднять дубину, однако мне удалось оторвать от земли только один конец, тот, что тоньше. На большее меня не хватило. Пришлось собрать всю свою врачебную волю в кулак. Я сдвинул строго брови и посмотрел пациенту в глаза. – Встаньте на ноги!

Получилось очень хорошо. Наш приятель сразу перестал стонать и посмотрел на меня жалобным взглядом.

– Быстро встать на ноги! – еще более строгим голосом приказал я.

И, представляете, он встал. Окрыленный победой, я продолжал свою терапию.

– Теперь прыгни на дубину со всей силы и ударь ее пятками.

Может быть, получилось не очень грамотно, но он меня понял. Как подпрыгнет, как даст пятками по дубине. Дубина сразу вдребезги.

– Ой! – облегченно выдохнул пострадавший. – Ой! О-о-о!

Ему явно стало легче. Вам тоже, если окажетесь в подобной ситуации, я советую постучать пятками по твердой поверхности. Будет легче. Этому фокусу меня научил Олег Вилкин, мой сэнсэй, мастер рукопашного боя и обладатель второго дана айкидо.

– Еще раз, – сказал я, зная, что любой целительный эффект надо укрепить.

Наш молодец прыгнул на остатки дубины пятками еще два раза, все переломал, но зато разогнулся и уставился на меня с идиотской улыбкой. Теперь можно было его рассмотреть. Перед нами предстал настоящий богатырь из русской сказки, который где-то пропил все, что у него было, после чего остался в чем мать родила. Квадратная голова, короткие выющиеся русые волосы, невероятно грустные светло-голубые глаза, пухлые, как у младенца губы и глубокие симпатичные ямочки, две на щеках и одна над выпирающим далеко вперед подбородке. Только вот нос у него явно не рязанский и не смоленский; большой и прямой, с четко вырезанными крыльями, и шедший прямо ото лба, он совершенно не вписывается в общую схему. В общем, все равно красавец.

– Кудесник! – Протянул он. – Спаситель!

В руках у Стеллы опять появился меч. Она грозно посмотрела на своего повергнутого противника. Тот шарахнулся от нее, почему-то в мою сторону.

– Перед тобой герцог Атрейос, президент пятой квинтсекции триста двадцать седьмого сектора – строго сказала моя звездная воительница. – Зови его, ваше высочество!

– Стелла, – строго сказал я, – не обижай мальчика! – Я ободряюще хлопнул нашего друга по плечу. – Зови меня Серегой.

– Тебя зовут Адал! – опять поправила Стелла. – Адал Атрейос, глава...

– Адал, так Адал! – поспешил согласиться наш новый знакомый.

– А ей бы лишь подражаться! – проворчала, подошедшая Наташа и ткнула меня локтем. – Это тоже пришелец?

Она тяжело дышала. Одна тряпка с ее правой ноги размоталась и нелепо волочилась за ней по песку. Наташа плюнула и нагнулась, чтобы вернуть все на место.

– Нет, это местный. Он хоть и инопланетянин, но не пришелец. Вот мы для него пришельцы.

Меч в руках Стеллы снова исчез. А богатырь схватил вдруг меня, обнял и приподнял в воздух.

– Я твой раб на веки вечные! – воскликнул он.

– Без проблем! – я решил ободрить его. – Всю жизнь мечтал иметь такого вот молодца. Да все денег не хватало купить.

– Я имел в виду не презренного раба купленного на рынке за деньги, – обижено пробормотал он, – а раба мужской дружбы.

– Тогда поставь меня на место. – Разговор продолжился, когда я вновь оказался на твердой земле. – Как тебя звать, дружище?

– Геркулес.

– Здорово! – восхитился я. – Отличное имя. И главное оно тебе подходит.

– Правда? – Геркулес искренне обрадовался и заиграл мускулами. Красавец! Честное слово. Мистер Вселенная!

– Да. Был такой древнегреческий герой. Любимец богов. Совершил целых двенадцать подвигов, за что и был вознесен на Олимп. Так что, я рад за тебя.

– Так это я и есть! – воскликнул Геркулес. – Только что с Олимпа!

Теперь уж удивился я:

– Не понял. Это что, такая шутка?

– Вовсе нет, – чуть виновато улыбнулся гигант. – Я там уж лет пятьсот живу. А вот сегодня меня оттуда прогнали. Это все Меркурий виноват!

Так вот откуда оказывается греческий нос! Я заинтересовался:

– Ну-ка, ну-ка, рассказывай!

Но только наш богоподобный друг открыл рот, чтобы начать рассказ, как до наших ушей донесся странный звук. Словно где-то сыпали сухой горох на туго натянутый барабан. Геркулес тут же замолк на полуслове, и в глазах у него появилось беспокойство. Стелла тоже напряглась, и в руке у нее опять появился меч. Гигант с жалостью посмотрел на свою испорченную дубину.

– В чем дело, друзья мои? – По мере усиления звука, мной тоже начала овладевать тревога. Наташа крепко прижалась к моему плечу. Я почувствовал, как она дрожит, и тоже задрожал. Такой уж я смелый!

Я уже говорил, что все мы находились в центре огромной и довольно глубокой воронки. Так вот она вдруг стала увеличиваться. Мы не сразу это ощутили, только когда под ногами вдруг стал осыпаться песок, и нас потянуло вниз.

– Мне кажется, что лучше поменять место для беседы, – пролепетал я.

Увы, хорошие мысли, как правило, приходят довольно поздно. Звук между тем достиг своей высшей точки.

– Это Гидра! – вдруг закричал Геркулес и первым побежал наверх. – Спасайтесь!

Мы за ним. Бежать по песку было непросто. Ноги увязали, и песок из под них постоянно скатывался вниз, так что продвигались мы крайне медленно.

– Сережа!!!

Я оглянулся и увидел, что Наташа сильно отстала. Пришлось за ней вернуться. Но только я схватил ее за руку, как из центра воронки с громким треском выскочило что-то огромное и длинное. Внешне это походило на гигантский садовый шланг. Его острый конец судорожно дергался, тряся и издавал тот мерзкий звук, от которого болели уши.

Наташа вдруг вскрикнула, упала и покатилась вниз. Через секунду она уже была в самом центре воронки рядом с монстром. Она хотела что-то крикнуть, наверно что-нибудь на прощанье, но силы покинули ее, и она упала в обморок.

Я покатился вслед за Наташей. Несколько раз перекувыркнулся через голову, набрал полный рот горячего обжигающего песка, но зато очутился рядом с подругой по несчастью.

– Наташка! – затряс я ее за плечо. – Наташа! Ну, очнись же!

Она открыла глаза, посмотрела на меня туманным взором, затем ее взгляд прояснился, наполнился смыслом и ужасом. Она что-то увидела за моей спиной, застонала и глаза у нее стали как стеклянные. Я оглянулся. Сердце мое тут же провалилось куда-то далеко, далеко к пяткам, и там затаилось.

Эта чертова штуkenция раздулась словно воздушный шар и шипела так, словно из нее выпускали воздух. Трещать она не перестала, и от грохота у меня вконец заложило уши. Но даже не это было самым страшным. К нам с Наташей тянулась огромная чавкающая присоска. Слизкая и противная.

Мама дорогая! А мне и защищаться нечем. Разве что скинуть с себя халат и попытаться отбиться им? Шансов на победу мало, но что делать? Я судорожно размышлял, но ничего путного придумать так и не смог.

Как всегда, это уже стало доброй традицией, нас спасла Стелла. Она испустила какой-то непонятный, явно инопланетный боевой клич, затем совершила фантастический прыжок и самым невероятным образом оказалась верхом на голодном шланге. Ее меч заработал, словно вентилятор, и шланг затрепыхался во все стороны, разбрызгивая белую отвратительную слизь, и, пытаясь сбросить с себя бесстрашную воительницу.

К нам с Наташей присоединился Геркулес. Он тоже прокувыркался как колобок, затем схватил нас, закинул на плечи и побежал обратно наверх. Клянусь, после этого я сразу поверил, что сижу на настоящем Геркулесе, а не на сдвинутом культуристе.

А Стелла продолжала неравный бой. Именно неравный! Она успела полностью разрубить шланг, и тот представлял теперь собой жалкое зрелище, он дергался и бестолково, словно слепой, пытался отыскать потерянную конечность. Были бы тут английские защитники прав животных, нашей десантнице бы не сдобровать. Она нанесла чудовищу еще пару ударов, затем прыгнула на землю и спокойным шагом отправилась к нам.

– Избежавшие смерти приветствуют тебя! – восторженно встретил я ее. Мои пересохшие губы растянулись в усталой, но удовлетворенной улыбке.

Геркулес широко улыбнулся, показав при этом великолепные сахарные зубы. Наверно жует исключительно Диролл без сахара. Голубые глаза его взирали на Стеллу с восхищением. Наташа, которая теперь находилась в могучих объятиях Геркулеса, очнулась и застонала:

– Где я? Что со мной? Сережа? – она меня узнала. Уже хорошо. – Мне приснился идиотский сон. Будто бы ты пришелец!

– Ты с нами, дорогуша, – сказал я, слегка похлопывая ее по щекам. – К сожалению должен тебя огорчить. Это был не сон. Я действительно пришелец, и нас с тобой только что чуть не съели. Но Стелла убила ужасное чудовище, и мы живы. Так что скажи доброй тете спасибо. Она опять спасла нам жизнь.

– Да, – едко заметила Наташа, довольно быстро приходя в себя. – А разве мы не ей обязаны тем, что попали сюда?

Как все-таки люди могут быть неблагодарны! Даже небо возмутилось столь черной неблагодарности моей однокашницы, и прямо на лицо девушки упал ошметок белой слизи. Бам-с! Наташа взвыла, а Стелла только усмехнулась и опять куда-то спрятала меч. Надо будет у нее расспросить про этот фокус. Очень он мне понравился!

Шланг дернулся последний раз, опустился на песок, скрутился в клубок и затих. Треск и грохот прекратились. Мы оглянулись на него.

– Очень необычная форма инопланетной жизни, – заметил я. – Интересно, здесь много подобных зверушек?

– Да здесь этих чудовищ тысячи! – горячо заверил нас Геркулес. – Это же Красная Пустыня Смерти. Здесь еще никто не оставался живым и не возвращался обратно к людям.

Умеет старина Геркулес утешить. Я хлопнул его по плечу:

– А ты как здесь оказался, любимец богов? С неба свалился?

– Так я же сказал, что прямо с Олимпа. Меня оттуда выгнали. Можно сказать, почти с позором. Так вам под ноги и кинули. Вот только почему сюда? В пустыню? Надо будет, потом кое с кем разобраться. Я уверен, это тоже происки Меркурия. Ну, будет ему от меня! Клянусь Юпитером, в этот раз я ему крылья на сандалиях пообломаю!

Меня все это крайне заинтересовало.

– Сейчас самое время продолжить рассказ. Твоя история сократит нам путь. Не оставаться же нам здесь! Вдруг у этого поливочного инвентаря есть жена или сын, или любимая племянница. Теща, наконец! Вдруг он ей остался должен? С нас могут потребовать долг.

Все со мной согласились, и мы отправились дальше. Наташа на меня почему-то обиделась и шла теперь под руку с Геркулесом. Что ж, меня это несколько не задело. Вдвоем они хорошо смотрятся. Она в лохмотьях с тряпками на ногах, он, можно сказать, совершенно голый. Хотя, если считать мраморный фиговый листок на черном шнурке, одеждой, то с этим утверждением можно и поспорить. В общем, королева бомжей и председатель клуба нудистов-культуристов.

Итак, мы пошли, вернее побрели. Потому что было невероятно жарко и душно. Ноги по щиколотку увязали в песке. Небо было оранжевым, два солнца висели неподвижно в самой его середине и накалились добела. Чтобы не схлопотать солнечный удар, я накинул на голову капюшон. Стелла и Наташа сделали то же самое. Только Геркулес шел, как ни в чем не бывало, босой и голый (вот ведь мужик, совсем не боится обгореть!) и рассказывал нам свою историю.

– Я уже пятьсот лет живу на Олимпе, с тех пор, как безвременно погиб из-за ревности моей жены Дияниры, а потом получил от моего батюшки Юпитера нектар бессмертья и сравнялся с богами. Матушка Юнона, в смысле моя мачеха, была сильно против, но отец настоял. Она до сих пор терпеть меня не может. Вреднющая женщина, скажу я вам! Представляете, я с ней бок о бок прожил на Олимпе пятьсот лет! Да еще папаша заставляет нас сидеть рядом на пирах и улыбаться друг другу. – Геркулес сделал паузу. – Если честно, то там ничего интересного нет. Скучотища! Никаких подвигов, никаких сражений! Боги обленились, состарились. К людям охладели, они к нам тоже. Жертвы приносят не от души, а только по привычке. И еда наша, прежде легкая и воздушная, стала теперь жирной и тяжелой. Так что одна обжираловка целыми днями и ничего интересного. Пьем бальзам с амброзией и нектаром сладким, тоже, кстати в последнее время кислые и по голове дающие, да рассказываем друг другу старые истории. Новых уже выдумать никто не в состоянии. Даже Меркурий, хотя он до сих пор иногда к людям спускается. Вот из-за него все мои неприятности.

– Это почему же? – чуть не хором удивились слушатели.

– А! – Геркулес досадливо махнул рукой. Тут к нам недавно, лет сто назад, змей приполз, дракон то есть. Жалко нам скотину стало, мы ее и оставили при чертогах. А что? Он, по-своему, даже забавный. Меркурий почему-то больше всех к нему привязался, и словно с собачонкой с ним забавлялся все дни напролет. Однажды, когда сильно все перепили, он взял да и напоил его бессмертным нектаром. Смеха ради.

– Я теперь с вами навсегда останусь! – заявил дракон Юпитеру, когда тот утром продрал глаза. Глупый, даром, что змей! Разве ж можно так с нашим Юпитером разговаривать, когда он еще не опохмелился? Он же громовержец! Сказал бы после ужина, и жил бы себе на здоровье. Нет же, поторопился. Юпитер же рассердился не на шутку, он с утра всегда такой, и кричит:

– Эй, Геркулес, сын мой возлюбленный, а ну-ка прикончи эту гадюку, змею подколодную, что на груди я пригрел!

А мне что? Я с похмела тоже злой. Тут, чтобы бессмертье заработать, столько подвигов пришлось совершить, вспоминать тошно. А этот гад на халяву приперся, да еще и бессмертным стал. У-у-уй! Поймал я дракона, значит, да и разорвал пополам.

Потом конечно мы с батюшкой пожалели бедолагу, да поздно.

– Что, сдох дракон? – спросила Наташа, и в голосе у нее прозвучала искренняя жалость.

Геркулес махнул рукой:

– Да нет, чего ему станется. Он же уже бессмертье хлебнул. Только вот разорванным остался. Так и ходит. Одна половинка в одном месте со стола обеды клянит, другая в другом хвостом да лапами землю роет. Смешно!

– А дальше? – спросила Наташа. Геркулес ей явно понравился. Она легкомысленно склонила голову на могучее плечо гиганта и на ходу отдыхала в его тени. У меня же от этого зрелища почему-то слегка в душе заскребли кошки. Судя по нахмуренному лицу Стеллы, у нее тоже.

– Дальше? Да Меркурий, гад, низкая душа, начал мне вредить. Обиделся, что я его дракона порвал. А я ж, чего? Я только приказ исполнял. Но ему же не докажешь! Он у нас умник.

К людям стал чаще ходить. Решил причину найти, почему нам Олимпийским богам люди стали меньше поклоняться.

– И как выяснил? – улыбнулся я.

– Выяснил. Откуда-то пронюхал, что скоро на землю придет новый Бог, хотя по виду он будет самый, что ни на есть живой человек, которому все остальные люди поклоняться начнут, а нас олимпийцев полностью забудут. А раз забудут, то и жертвы перестанут приносить, и умрем мы от не почитания и голода духовного.

– Знакомая история, – вздохнул я. – Закономерный финал любой языческой религии.

Геркулес продолжал:

– Юпитер как про это узнал, так сразу гром и молнии метать. Убрать, кричит, конкурента. А Меркурий ему и посоветовал это дело мне поручить. Я сначала ни в какую!

– Что же это такое? – говорю. – Я же пятьсот лет на земле не был. Там же все переменялось. Мне так даже боязно. Никуда не пойду! Пусть сам Меркурий идет, раз он это все придумал, у него и башка поумней моей будет.

– Ай да сынок у тебя,
Отец наш великий!

Засмеялась тогда мачеха Юнона. Она в такие моменты всегда рядом и обязательно масла в огонь подольет.

– Нет послушания в нем,
Сыновней любви и почтения.
Дерзость одна, да бахвальство.
Избалован он на Олимпе донельзя.
Не пора ль проучить наглеца
И послать его к людям на землю?

Ну, меня и послали! Отец лично взашей вытолкал с Олимпа, да еще и коленом под зад дал.

– Иди, – говорит, –
И назад возвращайся тогда лишь,
Когда порученье мое ты исполнишь,
И прикончишь злодея,
Что на нас покуситься задумал.
А если не справишься с делом,
Это тебе не Авгиевы чистить конюшни,
То не сын ты мне больше. Не сын!

– Вот так я здесь и оказался. – Геркулес закончил рассказ и грустно улыбнувшись, заснул. Мне особенно понравилось, как здорово Геркулес изображал Юпитера и Юнону с их поэтической речью. Сам он так разговаривать видимо так и не научился.

– А чего же ты тогда на Стеллу напал? – спросил я великого героя.

Геркулес смутился и так покраснел, в такой жар вошел, что Наташа от него даже отпрянула.

– Так я это...

– Чего это? – Я уже почти догадался, в чем тут дело, но для виду и для поддержания беседы продолжал расспрашивать.

– Пятьсот лет без любви, – потупившись, пробормотал гигант. – Там ведь на Олимпе ни одной живой женщины нет. Одни богини. А с богинями все равно не то... Холодные они больно. Словно мрамор. Страсти в них мало. Да и лодыри, все хотят, чтобы я только работал, а они, чтоб ничего... тьфу! А тут такая красавица! Я же ничего худого не хотел! Только... а она сразу на меня мечом махать начала, а потом еще и...

Геркулес постучал по своему фиговому листочку, который чудом во время драки не пострадал.

Я от хохота свалился на горячий песок, обжегся и тут же с воплем вскочил обратно. Меня всего трясло. Наташа тоже на Геркулесе повисла, глаза закатили, а из них слезы. Только Стелла осталась серьезной. Даже немного смутилась, виновато посмотрела на Геркулеса и произнесла:

– Я думала, что ты ворг императора и хочешь прикончить моего господина. Ведь ты его и в самом деле чуть не убил. Так что пришлось пойти на крайние меры. Так, что не обижайся. Я выполняла свой долг.

– Ладно, – Геркулес махнул рукой. Как все по-настоящему сильные люди, он был великодушен. – Бывает. Однажды один мой друг, тоже герой, Кориандр сын Мелиосского царя Тиграна, в плен к амазонкам попал. Эти бабы страшные стервы. Хуже них только кентавры. Если к ним мужик попадет, так они его сначала используют чуть ли не всем племенем, а потом, когда человек становится бессильным, в том смысле значит, как мужчина, они его кастрируют и продают в рабство.

– Господи! – ужаснулся я. – Неужели такое возможно? Кошмар!

– Еще как возможно! – уверил Геркулес.

– И никак нельзя от них спастись?

– Один способ имеется.

– Это какой же? – я был крайне заинтересован.

– Амазонки уверяют, что не тронут того, кто сможет удовлетворить их всех. Всех до единой. При чем не меньше чем за неделю.

– Но это же невозможно!

– Конечно, невозможно. Их же там не меньше тысячи в каждом племени. А то и больше. Тут и Аполлон не справится.

– И что же они твоего друга того?

– Увы! – горько вздохнул Геркулес. – Такая вот страшная судьба постигла царевича Кориандра. Хотя, утверждают, что он смог полюбить триста женщин. И все же им этого показалось мало. Бессердечные твари! Они ему все-таки все добро оттяпали и отослали его назад к отцу. Мол, дарим тебе евнуха. Целая война тогда разразилась. Меня на нее тоже позвали. Мы тогда одно из их племен еле-еле одолели. Зато уж потом, с теми, кто в живых остался, целую неделю забавлялись. Жаль только, что их прикончить пришлось. А иначе нельзя! В рабство их не продашь. Кто же их купит, таких строптивых? Их ведь, бей не бей, толку нет. Они к боли привычные. Гнилой товар. Опять же, и в тылу оставлять нельзя.

И так все это Геркулес спокойно рассказывал, словно о своем дне рождения. Наташа от него отстранилась и слушала с открытым ртом. В глазах у нее был испуг. Я думал, что и Стелла к нему станет хуже относиться, ничуть не бывало. Она слушала Геркулеса и, кажется, даже одобрительно покачивала головой.

– Да, – вздохнул я, – на войне, как на войне.

– И все равно это так жестоко! – всхлипнула Наташа.

– У войны свои законы, – строгим, как у учительницы голосом отрезала Стелла. – Вот помню, в первый год службы наш корпус звездных волчиц высадился на одной каторжной планетке. Мы там бунт усмиряли. Каторжники, естественно все мужики. Так против них специально только женские батальоны послали.

– Это зачем же? – удивился я.

– А женщины в бою жалости не знают. Приказ был – уничтожить всех до одного. Там среди заключенных какой-то революционер прятался, который украл какой-то там секрет.

– И что, уничтожили? – жалобно пискнула Наташа.

Стелла провела большим пальцем по горлу:

– Ни один не ушел. Но перед этим, мы конечно тоже позабавились.

– Вот были времена! – мечтательно произнес Геркулес.

– Веселые денечки, – согласилась с ним Стелла.

Кажется, они нашли общий язык. Наташа смотрела на обоих с ужасом:

– Да это же головорезы какие-то! – прошептала она мне в ухо.

Я вспомнил долгие часы, проведенные в анатомичке, и сказал:

– Да мы с тобой, собственно говоря, тоже.

В общем, пошли мы дальше. Да только нас ненадолго хватило. Геркулесу и Стелле что! Они люди бывалые, знай себе, идут, истории друг другу рассказывают, одну ужаснее другой, о подвигах и сражениях, шрамами друг перед другом хвастаются. Послушать их, так просто эсэсовцы какие-то! Хорошие у нас спутники! Даже не знаешь, проснешься ли живым. А впрочем, через пять или шесть таких рассказов мы с Наташей просто перестали обращать на них внимания.

Первой свалилась Наташа. Я тоже не стал лицемерить и упал рядом с ней. Жажда, зной, пекло и дикая усталость сделали свое дело.

– Пить! – прошептали наши изможденные губы.

Чтобы мы делали без Стеллы? Ума не приложу. У нее в зажиме не только меч был. Нашлась и вода. Умереть можно! Пластиковая бутылка с водой «Аква Минерале». Уж как она у нее оказалась? А, плевать! Какая разница? Главное вода! Ух ты! Прохладная-то какая! Нет большего счастья, чем в пустыне воды напиться.

Первой пила Наташа и выпила целую бутылку. Никогда бы не подумал, что она на такое способна. Сначала я чуть не умер от беспокойства, видя, как исчезает из бутылки живительная жидкость.

– Ты мне то оставь! – взмолился я.

– У-у! – не отрывая от горлышка рта, прогудела Наташа.

Я слотнул сухой и горький комок в горле.

– Оставь!

Блин! Не оставила. Черт бы ее побрал! Я с горечью посмотрел на ее округлившийся животик, и решил, что мы ее сейчас наверняка разорвем на части. Что-то наверно было в моих глазах хищное и плотоядное. Стелла вовремя сунула мне под нос другую бутылку «Аквы Минерале». О какое блаженство!!!

Потом мы сделали привал. То есть отдохнули. От жары нас развезло, а после воды захотелось спать, и я сам не заметил, как заснул.

Мне приснился студенческий кошмар: экзамен. Я зашел в аудиторию, взял со стола билет и увидел, что не знаю на него ответа. Ираида уже заранее улыбается. Торжествует. Сломленный и шокированный я сел за стол и обхватил голову руками. За соседним столом сидела Наташа и смотрела на меня умоляющим взглядом. Она показала мне свой билет, и мне стало еще хуже. Я и его не знаю. Господи, да что же это такое делается? И все девчонки нашей группы тоже протягивают мне свои билеты, умоляюще смотрят в глаза, а я ничего не знаю и никому не могу помочь.

И вот мне пора отвечать. Ноги мои меня не держат. Не могу идти и все. Хоть ты тресни! А Ираида Ивановна манит меня пальцем и шепчет хриплым голосом:

– Стрельников, отвечай, где у человека находятся берцовая кость?

Я всегда знал, где у человека находится берцовая или любая другая кость, но сейчас почему-то забыл. И почему экзамен просто по анатомии? Он же был на первом курсе!

В общем, я получил неуд. И все остальные девчонки тоже. И в коридоре они напали на меня, сбили с ног и повалили за пол. Пол только почему-то покрыт песком и горячий.

– Ах ты, свинья! Да мы тебя!

И точно, я глазом не успел моргнуть, как они связали меня веревками и куда-то понесли.

– Девочки за что вы меня обижаете? – кричу я. – Я ведь с вами всегда по-доброму! Я же не виноват, что забыл, где у меня берцовая кость!

– Заткните этому бородатому выродку пасть! – приказала Наташа не своим голосом.

И кто-то мне сунул в рот грязный и вонючий носок. Тут я проснулся.

Ой, мамочки! Да это не сон. Вовсе не сон. Я действительно связан по рукам и ногам, и меня волокут какие-то возбужденные девицы. Да, это к тому же вовсе и не мои девчонки. Правильно! Откуда им тут взяться? Эта какая-то баскетбольная лига пятиборцев. Девицы все на подбор: стройные, широкоплечие, скуластые и крупнозадые. Спортсменки-комсомолки, одним словом. И все почему-то огненно-рыжие и веснушчатые. Вот только лица у них больно суровые. Напряженные. Как на олимпийских соревнованиях. Я, как порядочный болельщик, хотел их подбодрить, спросить за какую команду бегут, и так далее, но не смог, потому что рот у меня оказался заткнутым грязной вонючей тряпкой. Прямо как в моем сне. Неужели и впрямь чей-то носок? Тьфу! Вроде нет. Ничего не понимаю! Может быть, мне кто-нибудь объяснит, в чем дело?

Тут я увидел, что и мои спутники тоже в руках этих сумасшедших бегуний. И тоже связаны. Даже Геркулес и Стелла. Ага, так мы в плену! И как это я раньше не догадался? Стеллу и Наташу, как и меня, несут на руках, а бедного Геркулеса из-за его могучих масштабов волокут по земле. При чем за ноги. Так что голова его волочится по земле. На секунду он встретился со мной затравленным и измученным взглядом. Ну, если такой крутой парень, как наш Геркулес, напуган, то я прямо-таки задрожал от ужаса.

– Это амазонки! – чуть ли не прорыдал Геркулес и тут же получил несколько сильнейших ударов и пинков по голове и ребрам.

Волосы на моей голове тут же зашевелились как змеи. Я наверно стал похож на Медузу Горгону. Мне вспомнилась история про сына Мелиосского царя Кориандра. Что там с ним сделали? Ой! Мамочка! Я не хочу быть больше инопланетянином и герцогом Атрэйоссом. Я не хочу шататься по параллельным мирам и искать какую-то дурацкую матрицу. Это какая-то ошибка! Недоразумение. Мне эта игра надоела. Я хочу домой на Землю, я хочу сдавать экзамен по прикладной химии и подкидывать приятелям шпоры, а потом пойти в студенческое кафе «Гаудеамус» и отметить это дело бутылкой «Старого мельника». Здесь же меня ожидала совсем другая перспектива. Я задергался, закашлялся и тряпка закрывавшая мой рот, вылетела.

– Отпустите меня домой! – закричал я. – Гражданочки! Что вам от меня надо? Я не хочу быть вашим тренером! Я вообще не спортсмен. У меня по физкультуре никогда больше тройки не было.

И тут надо мной склонилась такая физиономия, что я чуть не потерял сознание. Пожалуй, Медуза Горгона рядом с ней покажется Мэрелин Монро. А это какая-то Мэрелин Мурло. Наверно такой Баба Яга была в молодости. Сами посудите: плечистая тетка с огромной как у парохода грудью, одета в какой-то тухлявый мешок, волосы торчат в разные стороны, как будто рядом с ней недавно разорвалась противотанковая граната, глаза круглые и выпученные, с синими белками, зубы такие, словно она ими батареи грызла. Носяра! Таким крюком можно запросто консервные банки открывать или в бою противнику горло перерезать. Рубильник одним словом.

– Что, волосатенький, испугался? – спросила она меня и погладила по щеке. – Ничего, мы с тобой еще немало времени проведем вместе. Ты эти дни на всю жизнь запомнишь. А потом, когда не способен станешь, я тебя, чик и, был мальчик, стала девочка.

И тут амазонки впервые перестали быть серьезными. Проще говоря, они заржали словно лошади Пржевальского. Когда отсмеялись, то посмотрели на нас с Геркулесом голодными глазами.

– Мадам, что я вам сделал плохого, что вы хотите предать меня столь унижительной и неоправданной операции? Неужели вы, такая очаровательная, такая красивая, сможете поднять руку на беззащитного и усталого путника, который только и сделал, что заблудился в пустыне, где плутал в поисках нежной фиалки. И вот, когда, кажется, я нашел эту фиалку, она хочет сотворить со мной такое! Господи, за что?

Это было вдохновение, крик души. Он вырвался из моей глотки и кажется, достиг глубин ее сердца.

– Что такое фиалка? – смущенно улыбаясь, спросила она. – Красивое слово.

– Это такой изумительный цветок. Вы на него похожи! Радость моя, не надо грубостей. Мы же интеллигентные люди! Развяжите меня, и мы продолжим разговор. – Я готов был говорить что угодно, лишь бы заставить эту ужасную грубую женщину пойти на контакт. Это нормальная психологическая тактика. Психиатры всегда советуют как можно быстрее наладить с маньяками контакт. Того, с кем поговоришь по душам, потом трудно убить. – Я уверен, у нас найдется тема для разговора. Можно хотя бы поговорить о вашей красоте, о ваших прекрасных глазах, изумительной фигуре, шикарных ногах, грациозной походке и добрейшем сердце.

Кажется, Фиалка была тронута.

– Хорошо, – она еще раз погладила меня по щеке. – Мы тебя развяжем. Все равно не убежишь. Да и куда тут бежать? Пустыня кругом.

Слава Богу! Кажется, я не зря старался. Красотка оказалась среди спортсменов главной. По мановению ее руки я был поставлен на твердую землю. Вербки с меня сняли, и эта гремучая змея, то есть, тьфу, опасно ее так называть, Фиалка схватила меня под руку, да так, что я сразу понял, что от нее не удрать. Не выпустит. Такими сильными руками можно сгибать рельсы не то, что удерживать тщедушного юношу. И все же я поклонился ей и приложил руку к сердцу. Мне казалось, что так будет вполне галантно.

– Благодарю! – в этом я был искренен. – А как же мои друзья?

– Девчонок мы убьем, – ответила Фиалка. – А этого увальня приставим к мельнице. Потом, после того, как ни на что другое он уже не будет способен.

Геркулес застонал. Я попытался его успокоить:

– Ты же так хотел женщину, старина. Теперь твое желание исполнится в полной мере.

Это черный юмор. Я понимаю. Но никто, так как медики не пользуется им в тяжелые минуты жизни. Вот помню... впрочем, сейчас не время вдаваться в воспоминания. Надо выручать ребят. И как мне этого не хотелось, я обнял свободной рукой мою новую подругу и нежным голосом спросил:

– Пардон, мадам, а нельзя ли это как-нибудь уладить? Может быть, договоримся? Ну, зачем же так строго? И так скоро. Мы разве торопимся?

Фиалка посмотрела на меня, и ее нос стал еще острее, чем был. Кажется мои слова, вернее нет, слова тут не при чем, мой тон, вся нежность, которую я вложил в свои уста, проняли ее. Скорее всего, ей никогда в жизни никто не говорил ласковых слов. Как опытный психоаналитик, я это сразу понял, поэтому продолжал:

– Ну же, моя прелесть, я же вижу, что тут все зависит от вас. Только одно слово, и я весь твой без остатка.

Бац! И она положила мне голову на плечо. Сердце у меня забилося от волнения. Моя тактика начала приносить плоды. Остальные амазонки смотрели на предводительницу с недоумением, и, кажется, с завистью. И тут я понял, чего не хватает этим несчастным женщинам. Конечно! В этой жаркой пустыне им катастрофически не хватает тепла. Обыкновенного чело-

веческого тепла. Из поколения в поколение они привыкли добывать ласку и любовь кровью, огнем и мечом. Чего стоит такая любовь? Это же сплошной садомазохизм. Искалеченная психика. И никто, никто ни разу не пытался отнестись к ним с любовью и лаской. И первый, кто это сделал, был я!

Великое открытие!

От охватившего меня возбуждения и радости, которая охватывает каждого исследователя, который стоит на пороге великого открытия, я вдруг сам проникся к этой несчастной пустынной фиалке жалостью и нежностью и ни с того ни с сего погладил ее по грязной и запыленной щеке и потрепал за ушко.

Вы бы видели, как она задрожала, затрепетала, словно пойманная в силос лань, как заблестели ее глаза, запылали щеки и заалели губы. В следующее мгновение она не выдержала, ноги ее подкосились, и беспощадная и воинственная амазонка свалилась к моим ногам.

Я одержал первую в своей жизни любовную победу. Да! Правда моя жертва не совсем соответствовала моим юношеским мечтаниям, и все же я был польщен, и на какое-то время даже перестал вздрагивать, глядя на Фиалку. Теперь главное было не отступить, а продолжать наступление дальше. И будь, что будет.

Я протянул ей руку.

– Любимый, – прошептала она вставая. – Тушканчик мой ненаглядный!

Все это время остальные амазонки стояли, не двигаясь, и смотрели на нас. Взгляды у них были полны задумчивости. Кажется, они переваривали увиденное. И переварить это им было явно не легко. Я же сказал – искалеченная психика!

Еще более изумленными были мои спутники. Стелла смотрела на меня, широко открыв рот, Геркулес глаза, Наташа и то и другое. Чего уставились? Не видят что ли, что их спасаю, может быть даже ценой собственной свободы. Правда, про последнюю я в этот момент меньше всего думал.

– Так я их развяжу? – тихим голосом, как можно более ласково, спросил я и погладил Фиалку по голове.

Она кивнула. Амазонки не сдвинулись с места. Но мешать мне тоже не стали. Я развязал и освободил Наташу, Стеллу и Геркулеса.

Когда я освобождал Геркулеса, я ткнул его в бок локтем и прошептал:

– Что встал, как пень? Делай то же что и я. Нам надо их завоевать.

– Так дубины же нет! – жалостливо прошептал славный олимпийский богатырь.

– Ты должен покорить их другим оружием.

– Это, каким же? – подозрительно посмотрел на меня Геркулес.

Кажется, он меня не так понял.

– Лаской, лаской! – прошептал я. – И еще раз лаской. Займись заместительницей.

Геркулес поморщился. Заместительница Фиалки была чуть красивее начальницы. Только нос у нее был не крючком, а картошкой. Но это был верный удар. К тому же, суровые и, по-своему, красивые лица остальных воительниц не располагали к долгим раздумьям. И он решился. Амазонка как раз снимала с его рук веревки и с вождением оглядывала могучее и рельефное тело гиганта.

– Ты мне нравишься, красавица! – сказал ей, правда, несколько скованно, Геркулес.

Но даже этого хватило. Заместительница Фиалки тут же задрожала и бросилась к Геркулесу в объятия. Не выдержали и остальные амазонки. Они бросились, половина к Геркулесу, остальные ко мне.

– А мы? – кричали они жалобными голосами и совершенно перестали походить на тех беспощадных полицаек, какими вначале нам показались. – Как же мы? Мы тоже хотим нравиться таким шикарным мужчинкам!

Я не мог лишиться их радости, и даже мысль о спасении тут ни при чем. Нет, мной двигали исключительно чувства гуманности и великодушия. Клянусь, в эту минуту я готов был возлюбить весь мир. Как-то само собой получилось, что я встал в позу проповедника, вскинул вперед руку, как Ленин на броневике, и елеиным голосом изрек:

– Девушки! Милые! Хорошие! Славные! Да как же вас не любить таких? Всеми фибрами души, всем своим медицинским сердцем отвечаю вам, что готов полюбить и приласкать каждую, кому потребуется моя помощь. Вы же такие красавицы! Ваши глаза, руки, ноги, вообще фигуры! Да вы с ума сведете кого угодно!

Девчонки тесно столпились вокруг меня, как зайцы вокруг деда Мазая или детский сад вокруг Деда Мороза. Глаза их были полны счастья, неги и ожидания, что вот я сейчас открою мешок и начну раздавать сладкие подарки. Поэтому я не жалел добрых и теплых слов в их адрес.

В общем, через пять минут все до одной амазонки были в наших руках. Они смотрели мне в рот и готовы были выполнить любое наше желание. Единственно, что они наотрез отказывались сделать, так это освободить нас окончательно. То есть, отпустить своей дорогой.

Едва я заикнулся об этом, они насторожились и сразу начали хвататься за мечи, я тут же поспешил сменить тему, вернулся к их прелестям и сумел уладить конфликт еще в корне.

Во всяком случае, неприятная операция нам с Геркулесом вроде бы больше не грозила. И девчонки наши тоже избежали смертной казни. Это уже кое-что. Неправда ли?

Прошел час. Все это время мы куда-то шли. И, признаться, я несколько утомился. Пустыня, знаете ли.

И Фиалка это заметила. Кстати, оказалось, что ее настоящее имя Флора. Не удивительно ли? Я почти угадал. Так вот, она заметила, что я устал.

– Ты утомился, мой тушканчик! – воскликнула она.

Я смутился. Не больно-то хотелось показать себя слабаком рядом с такими крутыми девчонками.

– Не переживай, мой варанчик! – она опять погладила меня по щеке. – Вы мужчины, такие слабые и нежные. Эй, бабоньки! Зульфия, Гюльчатая! (Кажется, я где-то слышал эти имена.) Наш герцог устал!

Про то, что я герцог, им рассказала Стелла. Она вообще быстро подружилась с амазонками, потому что нисколько на них не обиделась за то, что они захватили нас в плен. Да и они сразу признали в ней свою. Ворон ворону... м-м-да!

А вот бедная Наташа, сразу стала в нашей компании изгоем, и пока я ей ничем помочь не мог. Она плелась позади всех, стонала и причитала, постоянно отставала, и мне приходилось потратить не мало сил, чтобы уговорить амазонок идти медленнее. И вот теперь, когда Зульфия и Гюльчатая подбежали ко мне и подняли к себе на плечи, наш отряд сразу удвоил скорость. Покачиваясь на сильных, но немного костлявых и жестких женских плечах, я оглянулся и увидел, как Наташа стремительно оставалась позади. Я поймал ее прощальный измученный взгляд, в котором уже не было даже упрека, и мне стало невыносимо стыдно. Какой же я мужчина после этого? Это ведь я инопланетянин, я пришелец, а не она! Это мне надо искать матрицу Совершенства, а не ей. Она всего лишь маленькая, избалованная родителями девочка, которая доверилась мне и попала в эту передрагу. И что же? Получается, что я бросаю ее в пустыне на неизвестной планете сразу под двумя беспощадными солнцами погибать в одиночестве?

Нет, на такое я не способен.

– Стоп, барышни! – закричал я. Отряд остановился. Амазонки уставились на меня. – Так нельзя. Как вы можете бросать свою сестру на произвол, в самые, можно сказать, лапы смерти? Где ваше милосердие? Где ваше благородство?

– Она не наша сестра! – фыркнула Флора.

– А что это такое, благородство? – спросила одна девушка.

– Благородство, – объяснил я, – это, когда каждый человек относится к другому так, как он хочет, чтобы относились к нему. Люди должны быть добры друг к другу. Возлюби ближнего своего, аки самого себя и протяни ему руку помощи!

И, кажется, эта не совсем простая мысль для существ, которые воюют со всем миром вот уже тысячу лет, дошла до них.

– Ты хочешь сказать, – прищурила глаза Флора, – что мы должны нести не только тебя, но и твою презренную рабыню?

– Она мне не рабыня! – тут же поправил я.

– А кто она? – Флора Фиалка грозно сдвинула брови. – Твоя любовница? Если это так, то я сейчас же убью ее. Судя по всему, она твоя, отвергнутая любовница. Тем не менее, ее это не спасет.

– Нет, она моя однокашница!

Этот довод сразил их. И одна амазонка вернулась к Наташе и вернулась к нам с ней на плечах. Той уже было все равно. Она смотрела вокруг непонимающим и затуманенным взглядом.

– Бедняга, – пожалел ее Геркулес. – Она в обмороке.

Даже Стелла прониклась к Наташе сочувствием, и протянула ей еще одну бутылку «Аквы». Девушка вцепилась в нее, как утопающий за соломинку, а младенец за бутылку с соской.

– Стелла, а мне? – голосом капризного ребенка закричал я. И тоже получил бутылку воды. Нет, жизнь и впрямь хороша!

– Мать, дарящая живительную влагу! – воскликнули хором амазонки, потрясенные увиденным. – Уж не богиня ли ты Деметра?

Стелла врать не умела.

– Нет, я обыкновенная звездная волчица! – ответила она.

И все же амазонки прониклись к Стелле священным трепетом. Больше за ее судьбу я не волновался.

Наше положение укреплялось все больше и больше. Даже Наташа пришла в себя.

– Ну, Сережка! – стрельнула она в меня ненавидящим взглядом. – Я тебе этого не прощу! Что я мог ей ответить?

Мы отправились дальше, и через полчаса на горизонте на фоне желтого неба появился темный силуэт города. Мы направлялись прямо к нему. И чем ближе мы к нему подходили, тем быстрее шагали амазонки. Очень скоро мы достигли городских стен.

Это был очень старый и ветхий город. Стены осыпались, в них зияли широченные пробоины, башни были полуразрушены, ворот не было и в помине. Я сразу понял, что строительство у наших спортсменов не самое любимое занятие. Мы вошли внутрь через пролом в стене, и пошли по широкой пыльной улице, по бокам которой стояли низенькие глиняные домики без окон, покрытые старой гнилой соломой. Улица была грязная и пока пустынная. Сразу видно, что мужей у наших гостеприимных хозяек нет. Они бы не позволили такой бардак. Из домов уже стали выскакивать женщины, и с каждой секундой их становилось все больше и больше. И взоры их тут же устремлялись на нас с Геркулесом. Судя по всему, наш отряд направлялся к главной площади. Сначала мне стало неловко, что я, в принципе, здоровый парень, сижу на плечах у женщин, словно инвалид первой группы. Но, немного пораздумав, я решил не спешиваться. Что-то мне подсказывало, что подобное мое положение в настоящий момент самое подходящее. Во всяком случае, обзор у меня был что надо. А вот и площадь – широкий пустырь, в центре которого одиноко торчит такой же нищенский домик, только с двумя этажами. Я сразу догадался, что это или дворец, или здание местного парламента. Хотя последнее вряд ли. Амазонки не походили на сторонников демократии.

Тем временем, нас уже вышел встречать весь амазонский народ. Боже милосердный! Я никогда в жизни не видел такую большую толпу женщин. Скоро их собралось не меньше полутора тысяч. И ни одного мужчины. Да! Феминизация здесь одержала сокрушительную победу. При чем, среди них не было старух. Дети были. Тоже исключительно девочки. Я заметил в толпе несколько жалких ребячьих стаяк. Девчушки были растрепанные, насупленные, настоженные, но в то же время смелые и юркие, как мальчишки, крепкие и здоровенькие. Передвигались перебежками и кокетливо прятались за спинами взрослых. Одежда на них отсутствовала. Для такого количества женщин их, было, пожалуй, очень немного. И я сделал вывод, что с рождаемостью у амазонок туговато. Ну что ж, при таком отношении к мужчинам, репродуктивные процессы в данном округе явно затруднены. Взрослые женщины были не старше сорока. Все они были одеты весьма легкомысленно. Если бы я не учился на медфаке и не подрабатывал по вечерам санитаром в гинекологическом отделении в стационаре, то наверно впал бы в краску. Во всяком случае, лифчиков не было больше чем у трети. У второй трети была закрыта только одна грудь. А совсем молоденькие девушки, которые взирали на нас с Геркулесом блестящими и стреляющими глазками, из одежды вообще имели только узенькие тряпицы на бедрах. А у некоторых не было и этого! И естественно, что никто из них не стыдился своей наготы. Блин! Мать моя – женщина! Я всегда тайно мечтал побывать на нудистском пляже, но пойти туда как-то стеснялся. И вот теперь попал. Черт! Кажется, мое медицинское спокойствие куда-то подевалось. Я беспокойно заерзал на плечах Зульфий и Гюльчатай и попытался отвлечься от нахлынувших эротических желаний. «Представь, что ты инспектируешь женскую баню» – мысленно сказал я себе. И, знаете, помогло! Зуд прошел. Я вспомнил, что я без пяти минут врач и взял себя в руки. Сейчас не время для эротических приключений. Потом я еще припомнил, что первой из всех этих красавиц на меня предъявляла права пустынная Фиалка, и окончательно овладел собой.

Итак, окруженные толпой амазонок, существ диких и непредсказуемых, мы оказались в центре города и всеобщего внимания.

– Царица! – закричала Флора. – Царица Земфира! Выйди к нам! Твой многострадальный народ ждет тебя!

В двухэтажном домике что-то зашуршало, затем из него показалась небольшая процессия. Четверо молодых парней вынесли носилки, на которых важно восседала амазонская царица Земфира – худощавая широкоплечая брюнетка с большими чуть раскосыми глазами и чувственным ртом. Что ж, царица хоть куда! Молода и красива. Ее можно смело послать на конкурс красоты куда-нибудь в Норвегию или Финляндию, где члены жюри предпочитают брюнеток. Победа обеспечена!

Затем мой взгляд скользнул на ее рабов. При виде их слегка полноватых лиц и начинающих плыть фигур, а главное, невероятно несчастных и тоскливых глаз, во мне родилось подозрение, что передо мной стоят те несчастные, что когда-то не смогли удовлетворить население этого бабьего царства.

Евнухи!

Ой, какой кошмар! На мгновение у меня потемнело в глазах, и я понял, что мне еще предстоит побороться за наше с Геркулесом мужское достоинство.

– Кого вы взяли в плен, сестра моя младшая Флора? – строго и важно спросила царица. – И почему вы держите этого недостойного мужчину на плечах, а не ведете на веревке, как подобает ходить этим презренным тварям?

– Царица! – торжественно закричала пустынная Фиалка. – Боги смилостивились над нами, и послали к нам супермужчину!

Все амазонки, включая царицу, так и ахнули. Несколько секунд в воздухе стояла мертвая тишина. Признаться, я тоже был потрясен не меньше остальных. Так меня еще никогда не называли. Приятно, черт побери! Но и накладывает определенную ответственность.

– Ты имеешь в виду этого громилу? – нахмурила брови Земфира, когда пришла в себя. – Он конечно хорош, спору нет, но как часто оказывалось, что чем крупнее и мускулистее мужчина, тем он слабее по части женщин!

– Но, но! – Геркулес обиделся. – Еще ни одна женщина не пожаловалась на то, что я плохо ее любил!

Флора перебила его:

– Нет, этот деревенщина, не супермужчина! Супермужчина он! – И показала на меня пальцем.

Я смущенно улыбнулся. Опять прошло несколько секунд тишины, потом Земфира с сомнением произнесла:

– А этот уж совсем доходяга!

– Ну и что, – отпарировала Флора, – драный петух всегда лучше топчет!

Тут уже обиделся я. Конечно я не Арнольд Шварценегер, и даже не Жан-Клод Ван Дамм, но нельзя же так в лицо оскорблять человека!

– Мамамы, что вы от меня хотите? Я что-то не совсем понимаю смысл вашей беседы.

Царица посмотрела на меня внимательней:

– Говорит он красиво и непонятно.

Ага, так я их задел! Женщины всегда любят все непонятное. Правда и для меня все это тоже было пока недоступно. Но очень скоро все прояснилось. Флора объяснила все одной фразой.

– Кончай сомневаться, царица! – махнула она рукой. – Вот тот мужчина, который сможет полюбить всех женщин. Он уже нам это доказал.

И тут амазонки прямо взбесились.

– Тогда чего время тянуть? – закричали они дружным и нетерпеливым хором. – Пусть начинается!

Ага! Так они решили, что я смогу удовлетворить их всех до одной! Вот почему Флора назвала меня супермужчиной. И Геркулес рассказывал, что амазонки вот уже тысячу лет ищут того, кто бы мог удовлетворить все их сексуальные коллективные потребности. И теперь они думают, что я смогу это сделать. А я смогу? Смогу ли я? Давно ли я? Фигня ли я? А, магнолия! Ой, мамочки! Кажется, я влип. Караул!!!

Мысли мои словно тараканы побежали во все стороны. Амазонки уже шли на меня со всех сторон, того и гляди, просто задавят и затопчут, прежде чем я смогу полюбить хотя бы одну. Какая прекрасная смерть: быть затоптанным жаждущими твоей любви женщинами.

– Я первая! – закричала Флора. – Потому что я его нашла.

– Нет, я первая! – вдруг завизжала Земфира. – Я ваша царица, и поэтому должна первой получить его любовь!

– И мы тоже! – закричали амазонки, видимо те, кто выше рангом. – Мы тоже должны быть первыми.

– А нам дайте хотя бы здоровяка! – закричали те, кто был менее знатен.

Образовалась свалка. Я потерял из виду и Геркулеса, и Наташу со Стеллой. Надо было срочно что-то делать.

– Стоп! – закричал я. – Товарищи женщины! Как же так можно? Это просто неприлично! Я же с дороги! Мое тело изнывает от усталости пути, а вы хотите, чтобы я сейчас же начал вас любить. Да, я вас уже люблю. Мысленно. Дорогие мои! Вы слышите? Только мысленно. По-настоящему я смогу только после того, как отдохну. При чем, как следует, отдохну. И поем. Не раньше!

Толпа сразу притихла и отхлынула назад.

– Справедливо! – закричала Флора. – Мужчины слабые и нежные создания. Супермужчина должен отдохнуть и поесть. Небось, тоже будет вина просить и сырых яиц. Что же он хуже остальных? Правильно, царица?

Земфира подняла руку и твердо объявила:

– Даю супермужчине ровно двадцать четыре часа на отдых. А мы с тобой, Флора, еще поговорим о том, кто будет первым.

Она щелкнула пальцами, и евнухи унесли ее обратно в царский домик.

Женщины разочарованно вздохнули и стали расходиться. Площадь вскоре опустела. И моя Фиалка снова взяла меня под руку. Что ж, она это заслужила, потому что вела себя очень смело, и кто знает, если бы не она...

– Где мы будем отдыхать, моя курочка? – спросил я ее.

– В моем дворце, мой петушок! – счастливо выдохнула Флора.

Ох, ты! Дворец! Не зря я сделал ставку на эту женщину. Она явно пользуется тут немалым влиянием. Ну конечно! Ведь Земфира называла ее младшей сестрой.

Дворец оказался такой же глиняной хижинкой, как и все остальные. Отличался только наличием деревянной двери и свежей соломой на крыше. Зато здесь было прохладно и свежо. Нас... Вы же не подумали, надеюсь, что я бросил своих друзей? Нет, я настоял, чтобы меня с ними не разлучали. И, надо признать, к моим желаниям тут относятся с уважением! Итак, нас накормили, при чем довольно сытно и вкусно. Обед приготовила сама Флора. Кстати, она куда-то сбегала, и вернулась через полчаса чистая и приодевшаяся. И, вы знаете, в этот раз она вовсе не показалась мне Бабой Ягой. То ли я привык, то ли еще что, но она похорошела. Пригладила волосы... И как она смотрела, как я ем! Как же им бедным не хватает мужчин! Пусть грубых и грязных, необразованных и низкооплачиваемых, но лишь бы это были настоящие дееспособные мужчины.

– Тебе принести сырые яйца? – спросила она меня напоследок.

– Зачем это? – удивился я.

– Чтобы поднять мужскую силу. Так многие пленники делают.

– Нет, – отказался я, – сальманелеза мне только не хватает тут подцепить.

– А вино?

– Вина тоже не надо, – ответил я. – Это миф, что алкоголь благотворно влияет на сексуальные возможности мужчин.

– Ну, как хочешь, дорогой!

Видите, она уже вся в моей власти! Ох уж эти женщины! Окажешь им совсем немного внимания, скажешь пару теплых слов, так они чего только не нафантазируют.

Затем она побежала во дворец к королеве оспаривать свою очередь, и мы, наконец-то остались одни и получили возможность обсудить создавшееся положение. Вообще-то обсуждения не было никакого, потому что сразу началась перепалка, которую начала Наташа.

– Что же это вы? – накинулась она на Геркулеса и Стеллу, как только за Флорой закрылась дверь. – Строите из себя таких крутых ребят, а сами допустили, что нас взяли в плен какие-то психопатичные тетki извращенки!

Что ж, на мой взгляд, обвинение было справедливым. Геркулес и Стелла потупились.

– Кто был в карауле? – продолжала упрекать их Наташа. Никогда бы не подумал, что она умеет так скандалить. – Кто?

– Я, – тихо сказала Стелла. – Я была в карауле.

– Как же ты могла? – Наташа вложила в свои слова столько презрения, что даже мне стало неудобно за Стеллу.

– Вообще-то Стелла не виновата, – вмешался Геркулес. – Это я отвлек ее от несения службы. Так что казните меня!

– Ты? – удивились мы с Наташей. – Каким образом?

– Так это, – Геркулес по-детски шмыгнул носом, – пятьсот лет без женщин.

Наташа еще его не понимала, а я несмотря на всю трудность нашего положения, расхотелся:

– Ты опять полез к ней?

– Ну да.

– А что же Стелла? Она тебя в этот раз не обидела?

– Вроде нет, у нас так все хорошо стало складываться. Я уже целовать ее в плечо, как эти малахольные налетели. Мы и пикнуть не успели.

Тоже мне, профессионалы!

– Это правда? – спросил я нашу звездную волчицу.

Стелла смутилась и отвернулась.

– Простите меня, мой герцог, – пробормотала она. – Я заслуживаю трибунала.

Здорово! А наш Геркулес, оказывается, орел! Не только дубиной умеет махать. Хотя, конечно, кто устоит перед таким мужчиной?

– Плевать, что ты там заслуживаешь! – опять стала ругаться Наташа. – Из-за вас мы теперь в таком дерьме! Особенно Сережка.

Особенно я! Ха! Ха! И еще раз Ха! Это точно. Я в полном дерьме. Мне предстоит удовлетворить полторы тысячи жаждущих полового счастья женщин. А я, если уж признаться совсем честно, не удовлетворил пока еще ни одной. Ну не сексуальный я гигант. Ни Дон Жуан. И даже не Микки Рурк и не Микки Маус. И в жизни скромный парень. Да девственник! Не успел. Хотя еще в десятом классе у меня была возможность. Я ею тогда не воспользовался. Что-то тогда меня остановило. Может быть излишняя скромность. Что делать? Зато теперь у меня появилась широкая, можно сказать, бескрайняя перспектива. Я рад? Честно говоря, не очень. Что-то меня тревожит, вот только что, не пойму. Ах да! Наверно неуверенность в собственных силах. Как это называется? Синдром первого страха? Да, кажется так.

Смеяться сразу расхотелось. Я стал серьезным. Мои друзья посмотрели на меня с жалостью. Спасибо хоть на этом.

– Что вы на меня так смотрите? – подозрительно спросил я их.

– Сережа, – протянула Наташа, – может на самом деле...

– Что на самом деле?

– Ну, это, может, яичек поешь сырых? Говорят, помогает.

И эта туда же!

– Отстаньте вы от меня со своими яйцами! – закричал я. – Ну не люблю я их. Не люблю. Аллергия у меня на них. С детства!

– Тогда, говорят, – пробормотал Геркулес, – сырой хрен помогает. Я, правда, сам не пробовал.

– Вот и попробуй! – вяло огрызнулся я. – Твоя очередь как раз после меня. Можешь прямо сейчас, и начинать пробовать. Только добавь к нему листьев петрушки. Тоже, говорят, помогает.

Все замолчали. Я начал злиться. Что же это такое получается? Неужели нет никакого выхода?

Вернулась сияющая Флора.

– Все! – радостно заявила она с порога.

– Что все? – вялым голосом спросил я.

– Все. Отстояла я тебя у царицы, мой милый ослик!

– Что, значит, отстояла? – в моей душе затеплилась надежда.

– Очередь свою отбила. Два часа спорили. Три раза за мечи хватались. Ничего! У меня против Земфирки такие контраргументы есть! Так что не переживай. – Моя пустынная Фиалка счастливо улыбнулась. – Я первая!

Думаете я впал в отчаяние? Правильно думаете. До самой ночи я был в полном отрубе. Ничего не видел, ничего не слышал, что происходит вокруг. Наташа и Стелла хлопотали вокруг меня, что-то говорили, успокаивали, пытались утешить. Гладили по голове. Хлопали по щекам. Хорошо, что хоть Флоры среди них не было. Она убежала на праздник по случаю завтрашнего дня. Всю ночь амазонки пели песни, плясали, прославляли Супермужчину, то есть меня, и желали ему, то есть мне, удачи. А Супермужчина сидел в это время в хижине на полу в полубоморочном состоянии и молил бога помочь ему. Глядя на меня, расстроился и Геркулес. Видимо, все-таки он на меня рассчитывал. С чего бы это? Ах да! Я же его вылечил после удара Стеллы. Видимо он тогда в меня и поверил. А зря. Нашел в кого! Так, что мы оба с ним сидели вялые, как засохшие огурцы.

– В конце концов, вас же не убьют! – пролепетала Наташа, в очередной раз, глядя меня по голове. – Мы вон, нашего кота тоже кастрировали. Он после этого даже красивее стал. Пушистый такой, ленивый... а ласковый!

Геркулес зарыдал, а я сжал зубы. По щекам моим тоже текли слезы. Мой олимпийский друг хоть имел в своей жизни женщин, и, судя по его рассказам, не мало, даже с богинями спал. А я? Я же девственник! Ублюдок! Для кого ты себя берег? Почему был таким целомудренным? Все принцессу ждал? Чмо болотное! Уральский следопыт! Вот теперь завтра у тебя будут такие принцессы!

Мои девицы в это время тоже расклеились. Стелла молча сидела в углу, обхватив руками колени и уставившись в одну точку. Это тебе не из бластера палить! Наташа пыталась прилечь на соломе и тихо сквозь всхлипы бормотала:

– Папа! Папочка! Забери меня отсюда! Пожалуйста, приедь и забери! – Ну, прямо как маленькая девочка, которую родители насильно запихнули на все лето в санаторий, где лечат почки.

Приедет за ней ее папочка! Жди! Дождись! На Мерсе приедет. На шестисотом. Прилетит, стоит только позвонить ему по мобильнику, и он тут как тут. Делов-то! На три рубля. Где твой сотовый? Позвони мне, позвони! Позвони мне ради бога! Через годы пролети, голос тихий и далекий.

Телефон! Телефон! Телефончик! Але! Это воркута? Ах, нет? Магадан! Извините!

Вдруг в голове моей что-то блеснуло. Вспомнилось кое-что. Опять блеснуло. Теперь сверкнуло. Вспыхнуло молнией. Блин! Как я сразу не догадался? Вот он наш путь к спасению. Телефон! Телефончик! Телефоня! Телефонушка! Как хорошо, что тебя изобрели люди. Кто, кстати? Не помню, хоть убей. А, ладно! Это же не передача «О, счастливчик»! Главное, как прекрасно, что нашлись идиоты, которые придумали с твоей помощью откалывать такие фишки.

– Наташка! Девочка моя! Мы спасены!

Я схватил мою подружку, обнял ее, крепко, прикрепно, поцеловал в щеку, а потом в губы. Как-то само собой получилось. А ладно, кто меня сейчас видит? Главное, что Флоры помидоры рядом нет, и она меня не видит, а то бы точно взревновала бы. Тогда, пиши, пропало. Ревнивые женщины способны сокрушить самые смелые планы и грандиозные проекты.

Наташа посмотрела на меня с жалостью:

– Ты помешался? Сереженька, не надо так из-за ерунды!

Слыхали? Ерунда! Для них это ерунда! Им не страшно терять то, чего у них нет. Ну да, женщинам этого никогда не понять.

– Ни фига я не помешался. Просто завтра, после обеда я так оттрахаю весь этот веселый бабский коллектив, что они потом всю жизнь меня помнить будут. Всех, до одной. За исключением тех, конечно, кому еще нет шестнадцати. Кстати, если вы хотите, тоже можете в этом поучаствовать. Я не жадный.

Стелла и Наташа посмотрели на меня недоверчиво. В их глазах так и читался вынесенный мне диагноз буйного помешательства на нервной почве. В глазах Геркулеса вспыхнула надежда. Вот кто настоящий мой друг! Он верит в меня, и я не должен обмануть его надежды.

– Мужайся, мой гераклоподобный друг! – похлопал я его по плечу. – Тебя не постигнет страшная судьба царевича Кориандра. Ты еще познаешь не мало женщин в своей жизни, и богини вновь будут трепетать под твоими могучими и ласковыми руками.

Геркулес радостно разрыдался, и мы с ним обнялись, как братья.

Всю ночь я спал как убитый. Нет, честно. Спал. Спал как сурок и даже видел сны. Целую площадь женщин, чьи взоры устремлены ко мне.

Утром нас разбудила почтительная тишина. Служанки Флоры накрыли роскошный стол, но я не стал наедаться. С набитым пузом нечего делать на сексуальном фронте. Еще Гиппократ говорил, что хороший едок, в постели может хорошо только храпеть. Зато вина я выпил. И недурственное у них оказалось вино, скажу я вам! Красное, словно кровь, терпкое, с приятной освежающей кислинкой.

Первый вопрос, который задали мне жаждущие и изнывающие от нетерпения амазонки, был:

– Когда?

– Как только, так сразу! – ответил я.

Они почтительно склонили передо мной головы и покорно удалились.

– Если ты решил смошенничать и тянуть время, – сказала мне Стелла, – то тем хуже будет для тебя, Адал Атрейосс.

– Да-да! – подтвердил Геркулес. – Никто не умеет так искусно пытаться, как эти фурии. И не надейся, что они тебя убьют сразу. Нет, ты будешь мучиться и очень долго.

Вот уж не думал, что наш олимпийский чемпион может быть таким оратором. Он просто застрашал мою бедную особу. Чтобы меня действительно не начала бить дрожь, я отмахнулся от него обеими руками.

– Если я не смогу этого сделать, то и жизнь не имеет смысла.

Настало время обеда. Жара в воздухе стояла страшная, но во дворце у Флоры было свежо и прохладно. Мои спутники заметно нервничали. Особенно Геркулес. Я его понимал. За стенами нашего пристанища воздух накалялся. По мере приближения сладостного часа амазонки стали терять терпение. Почти все население города собралось на ближайших улицах, и их страстные импульсы проникали к нам даже сквозь стены.

Я был спокоен. Для меня это сейчас было очень важным делом. Чтобы помочь себе успокоиться, я выпил еще немного, поел фруктов и объявил Флоре:

– Я готов!

Она сразу расцвела, и даже стала на несколько мгновений красавицей. Честное слово! Ее руки дрожали, когда она торопливо стала стаскивать с себя свой, явно праздничный, оранжевый как морковка хитон. Нет, все-таки со вкусом у нее не все в порядке. Наташа посмотрела на меня с жалостью, Стелла с удивлением, Геркулес с надеждой. Флора волновалась, ее всю трясло. Что ж, это мне на руку, и я остановил ее:

– Постой, а как же остальные?

– Они после меня! – тут же уверила меня амазонка. – Следующая королева, за ней Фелумена, потом...

Я опять прервал ее:

– Позови Земфиру!

– Но, козлик мой! – у Флоры на глазах появились слезы обиды. – Что все это значит? Я ведь все уладила. Земфира после меня.

– Всенепременно, – успокоил я готовую впасть в истерику женщину, – но мне нужно кое-что другое.

- Что тебе еще нужно? Я здесь, сейчас разденусь...
- Не будь эгоисткой, лапочка! – воскликнул я. – Всему свое время и место. Эй, царица! Земфира влетела с такой быстротой, что я удивился.
- Уже готово? – Царица тоже стала торопливо стаскивать с себя длинный фиолетовый хитон. – Я сейчас, сейчас! Кто же знал, что так скоро!
- Я еще не получила того, что хотела! – капризно заявила Флора.
- Царица Земфира сразу стала грозной. В руке у нее появился кинжал, который она выхватила из-за пояса. Я поспешил поднять руки вверх:
- Мне нужно открытое пространство, там, где могут уместиться все желающие.
- Зачем?
- Все должны это видеть, и все должны участвовать, чтобы потом не было сомнений и недомолвок. Согласны?
- Согласны! – хором ответили Земфира и Флора.
- Может, пройдем на площадь?
- Там мало места, – покачала головой Флора. – И будет видно только тем, кто в первых рядах.
- Обидно, – я уже начал волноваться. – Может на крыше дворца?
- У нас есть театр! – вдруг обрадовано вспомнила Земфира.
- Отлично! – я даже не ожидал такой удачи. – То, что нужно. Идем же туда. Там хорошая акустика?
- Что?
- Слышимость, говорю, хорошая?
- О да! Когда Демистрата читает монолог умирающей Антигоны, ее шепот слышен даже на последних рядах.
- Так что же вы молчите? – завопил я. – Туда. Скорее туда! Время не ждет. И там, там я сделаю вас всех счастливыми. Не будем же оттягивать этот миг!
- Мой задор захватил амазонок. Они покраснелись от желания, и готовы были бежать со мной куда угодно. Даже если бы я сейчас повел их из пустыни, они наверняка пошли бы за мной, как евреи за Моисеем. Ох уж эти женщины! Мы выскочили на улицу и побежали к театру, за нами тут же устремились толпы амазонок.
- Только, чур, уговор! – на бегу потребовал я.
- Какой? – спросила Земфира.
- На представлении не должно быть несовершеннолетних.
- Кого?
- Детей.
- Безусловно! Наши девочки допускаются на подобные занятия только после того, как убьют в бою своего первого мужчину. Это случается не раньше чем в семнадцать лет. Хотя я сделала это в тринадцать. За что впоследствии и была выбрана царицей.
- Я вздрогнул, но не потерял присутствия духа. И вскоре мы были в театре.
- Обыкновенный античный театр, больше похожий на стадион. Рассчитан на пять тысяч мест. И все они стремительно заполнялись. Я даже глазам не поверил.
- Ты же говорила, что вас тут полторы тысячи человек! – возмущенно заметил я Флоре.
- Так наши девочки собрались со всей страны, когда услышали, что в столице объявился Супермужчина. Ведь ты полюбишь и их?
- Конечно! – махнул я рукой и вытер с лица пот. Не скрою, я волновался.
- Так начинай же! – Флора подступилась ко мне.
- Начинаю! – громко объявил я, когда увидел, что больше свободных мест не осталось. – А ты, почему не заняла место?
- А разве я буду не рядом с тобой?

– Нет, – хорошо поставленным медицинским голосом, не терпящим возражений, сказал я. – Ты должна быть вместе со всеми. Иначе у меня ничего не получится.

Флора недоуменно пожала плечами и пошла к царице. Села с ней рядом и надула губки.

– Внимание! – громко сказал я и поднял к небу руки, чтобы привлечь к своей особе всеобщее внимание. Да, акустика здесь действительно потрясающая. Мой голос уносился в небо, разливался над стадионом и преображенным тут же возвращался обратно. – Вы слышите меня, амазонки?

– Да! – Хор амазонок прогремел как шум океана. – Мы слышим тебя, Супермужчина!

– Прекрасно! Милые мои! Хорошие! Добрые и ласковые! – Я придал своему голосу монотонность. = Успокойтесь и вслушайтесь в мой голос. Не правда ли он прекрасен?

– Да! – накатила на меня новая волна ожидания и сладострастного желания. – Это так!

– Он прекрасен, потому что прекрасны вы! Ваши глаза, руки и губы, все это достойно восхищения и поклонения.

Теперь ответом мне была тишина. Амазонки явно не ожидали такого услышать, но им было приятно. И я достиг главного: полностью овладел их вниманием и сконцентрировал его на своем голосе. Теперь надо осторожно и аккуратно продолжать.

– Теперь, если вы хотите испытать все прелести моей несокрушимой любви, вы должны выполнять все, что я сейчас попрошу. Посмотрите вверх.

Амазонки послушно задрали головы к небу. Мой голос окреп, дыхание выровнялось, и я продолжал:

– Вы видите прекрасное желтое небо и голубые облака. Теперь закройте глаза и сделайте глубокий вдох. Медленно выдохните. Еще раз. Вы по прежнему видите небо. Оно бездонно, и только боги летают по нему на своих серебряных колесницах. Закройте глаза и представьте, что боги это вы, и это вы летаете в колесницах, и поражаете с них золотыми стрелами простых смертных. И это перед вами преклоняются все живые существа на земле. И это справедливо, потому что кому поклоняться, как не вам, прекрасные и богоподобные мои?

Так, я сделал паузу, чтобы женщины могли представить все, что я им наговорил, вижу, что на многих уже подействовали мои слова. Еще немного лести:

– Нет прекраснее на свете народа, чем вы, гордые повелительницы пустыни! И все мужчины должны принадлежать вам и только вам. Принадлежать так крепко, как сейчас принадлежу вам я.

Ага! – вот это их проняло капитально. На лицах блаженные улыбки, щеки горят, губы пылают. Балдеж начался. Немного им надо. Я дал следующую установку:

– Теперь, не открывая глаз, опустите голову на грудь. Прекрасно, хорошо. Настоящая любовь должна исходить от сердца. Представьте свое сердце, прислушайтесь к его стуку. Оно бьется, потому что любимо. Теперь самое главное. Пусть каждая из вас забудет о той, что сидит рядом с ней. Забудьте. – Так, кажется они готовы, и я перехожу от коллективного внушения к индивидуальному. – Забудь. Ты слышишь меня? Забудь обо всех на свете женщинах, потому что я обращаюсь теперь только к тебе. Ты меня слышишь?

Амазонки, каждая из которых находилась в полной уверенности, что я обращаюсь к ней и только к ней, кивнули и заулыбались. Глаза у них были закрыты. Теперь уже никакая сила кроме меня их не откроет. Так что теперь я смело сел на мраморную скамеечку и выпил глоток вина. Глотка прочистилась. Можно продолжать.

– Ты слышишь только меня, ты видишь только меня. Рядом никого нет. Есть только я. И только мой голос. И мы с тобой одни на всем белом свете. Ах, нет! Я ошибся! Есть еще любовь. Наша с тобой любовь, ведь мы так любим друг друга. Вот теперь я преданно и с нежностью заглядываю тебе в глаза и дотрагиваюсь пальцами твоей руки. Какая она у тебя красивая.

– Ах! – прокатился над амфитеатром первый легкий вздох.

– Какая белая и нежная у тебя кожа! – я продолжал вешать лапшу на уши бедным загипнотизированным амазонкам. – А эти губы! Дай, я и их коснусь пальцами. Поглажу твоё лицо.

– Ах! – второй вздох.

– Как ты красива сегодня! (Это я стибрил у Меладзе).

– А-а-ах! – третий вздох чуть более продолжительный.

Моя идея работает! Ай да я! Ну не гений ли? Где это я читал, что женщины любят ушами? В каком пособии для мужчин? Уже не помню. Но сейчас я в этом убедился воочию. Любят, да ещё как! Ну, пусть любят. Главное, что я вовремя вспомнил своего приятеля Валерку, который работал в службе «Секс по телефону». Он там диспетчер на коммутаторе, и однажды привел меня на работу, и показал, как они работают с клиентами. Я ещё тогда понял, что для человека умеющего хорошо и грамотно говорить, ничего в этом сложного нет. Только энергии много уходит.

– Когда бабки нужны будут, приходи, – предложил мне тогда Валерка. – Я тебя посажу на телефон.

Я тогда, естественно, отказался. Ан вон, теперь сама жизнь заставила заняться этим бизнесом. И теперь мне надо продолжать мой сеанс секса по телефону, правда, в данный момент без телефона, но зато для самых широких масс.

– Я приближаю своё лицо к твоему милому личику и ощущаю сладкое дыхание, которое исходит из твоих уст. Твои губы манят меня своей свежестью, и я не могу удержаться!

– А! – Это почти у всех женщин прервалось дыхание. Быстрее, пока они ещё тепленькие!

– Прими мой поцелуй. Он долгий и страстный.

Я чмокнул губами и сделал паузу. Теперь уже можно было немного отдохнуть. Амазонки все делали сами. Над театром раздавалось многоголосое чмокание. Они просто впали в кайф. Признаюсь честно, я такого даже не ожидал.

На какое-то мгновение мне даже стало стыдно, что я самым бесстыдным образом морочу головы этим наивным и диким созданиям. Но что поделать? Чего не сделаешь ради спасения своей собственной сексуальной значимости и полового функционирования? Я проделал ещё несколько страстных поцелуев. От губ перешел к ушам, потом к глазам, ко лбу. Особенно амазонкам понравилось, когда я добрался до того места, где начинают расти волосы. Они просто замлели. Некоторые безвольно опустили на землю и извивались у ног своих соседок. Другие изогнулись и сами себя гладили по лицу, третьи размахивали руками, а четвертые, видимо самые практичные и хитрые (такие как Флора и Земфира) прильнули к подвернувшемуся под руку подругам, совершенно искренне при этом думая, что это я. Зрелище, скажу вам, не для слабонервных. Хорошо, что однажды я работал в псих диспансере и такого там насмотрелся... Когда я заметил, что их страсти чуть приутихли, то глотнул ещё вина и продолжил:

– Моя рука тихо опускается на твоё точенное как у Венеры Милосской, плечо. Какое оно горячее. Можно я сниму с него ткань твоей полупрозрачной туники? Ах, как красиво и легко она спадает вниз и обнажает твоё тело. Конечно же, я не могу удержаться, чтобы не начать целовать его. Какая грудь! О, как я счастлив! Я весь горю! Тащусь! Я кладу на неё свою руку и нащупываю твердое зернышко соска. Как он великолепен! Как спелый гранат. Бомба! Как каждый человек, вскормленный женской грудью, я не знаю ничего более желанного и прекрасного. Я целую её, потому что не могу удержаться. Теперь я её...

Пожалуй, не стоит дословно приводить все, что я тогда говорил. В конце концов, я просто стесняюсь. Но, уверяю, что я проделал с амазонками все, что только может проделать самый искушенный любовник. Слава богу, фантазия у меня богатая. И книг не мало читал-с про то, о чем стеснялся спросить.

Что затем началось на трибунах, описать невозможно. Это надо видеть! Хотя, зрелище, скажу я вам, не для дошкольников. Разврат в прямом смысле этого слова. Даже мне, искушенному жителю двадцать первого века, да ещё медику, стало немного не по себе. Особенно от

мысли, что все это натворил я. Хотя с другой стороны, меня переполняла гордость. Да! Я сделал это. Я удовлетворил сексуальные потребности пяти тысяч женщин за один раз. Никто в мире до меня этого еще не проделывал. Эх, надо было прежде деньги с них взять за вход в театр! А то, получилось, что я бесплатно вкалывал.

Пора было заканчивать. То бишь, кончать. И я кончил. Не, в самом деле конечно, а так, иносказательно. Чтобы не обидеть дам, я тоже издал легкий интеллигентный стон, ахнул и громко объявил:

– Ах, как это было прекрасно! Спасибо дорогая! А тебе понравилось?

– О да! – заревели изможденные моей любовью трибуны.

– Прекрасно! Теперь мы оба можем отдохнуть. Успокойся. Все было великолепно. Ты была просто прелесть, душка. Я тоже. Так что теперь можно расслабиться, и пару часов поспать. И пока ты будешь спать, я займусь твоей подругой. Она давно ждет своей очереди. А ты спи, моя голубка!

Амазонки дружно засопели. Это нужно было для успокоения их нервной системы, которая была очень сильно возбуждена. И для того, чтобы у них не было сомнений в том, что я занимался любовью не со всеми.

Через пять минут я разбудил их:

– А теперь можно проснуться, потянуться и открыть глаза. Но перед этим вы должны запомнить одну вещь. С этой минуты ни одна из вас больше никогда не обидит в своей жизни ни одного мужчину или мальчика. С сегодняшнего дня, вы прекращаете войну с мужчинами и со всем миром и начинаете жить полноценной жизнью, а теперь, когда я досчитаю до пяти, вы откроете глаза и будете чувствовать себя прекрасно! Раз, – я сделал небольшую паузу, – два, – еще одну, – три! Откройте глаза!

И пять тысяч моих любовниц вышли из состояния любовного транса и несколько секунд смотрели друг на друга недоуменно. Я стер с лица пот. Потом началось такое ликование!..

Вечером, после того, как ликующие амазонки несколько часов таскали меня на плечах по всему городу, передавая, друг другу, как драгоценную статую работы Фидия, всем хотелось ко мне прикоснуться, так что меня даже укачало, был устроен грандиозный праздник. Конечно же, в мою честь. Приятно, знаете ли, когда тебя так высоко ценят! Ну а когда в твою честь еще и праздники устраивают, это, я вам скажу, вообще круто.

Амазонки решили оторваться по полной программе. Еще бы! Столько столетий девчонки маялись, и вдруг свобода! Достали все свои запасы вина, позвали мужчин. Да, я не оговорился. Мужчин! Именно мужчин. И не кастрированных, а самых что ни на есть настоящих, нормальных мужиков. Откуда они их взяли? Логичный вопрос. Достали из под полы. То бишь, вынули из подполья. Ну да! Грозные и бескомпромиссные на вид амазонки, на деле оказались обыкновенными жителями тоталитарно-милитаризованного общества. У многих обнаружилось и открылось двойное дно. Не такие они дуры, чтобы мужчинами разбрасываться. Так что, нашлись среди них такие вот, смелые и даже готовые на жертву амазонки. Настоящие диссидентки! Сахаровы и Солженицыны этого беспощадного мира. Да, они совершили гражданский подвиг, когда прятали в своих глубоких погребах мужчин, которых им удалось спасти от кастрации. И они даже рождали от них детей! И даже (были и такие!) мальчиков, которых тоже растили в погребах в тайне от своих подруг. Низкий и земной поклон им от всех нас. И знаете, таких оказалось не так уж и мало. Почти три сотни мужчин и юношей вышли сегодня из подполья и обрели свободу и счастье. Вы бы видели, как все вокруг плакали, когда они выходили к народу. Как их бережно хватали и поднимали над толпой и проносили по городу, показывая всем и каждому. Очень скоро их всех разобрали по домам и на каждого устроили очередь. Теперь им нечего было бояться.

Даже у Земфиры оказался тайный мужчина. И не один, а целых два! Ай да, царица! Так вот о каких контраргументах говорила Флора. И эти два бородатых мужика, целовали мне руки, благодаря, за свою вновь обретенную свободу.

Вот так, скажу вам без ложной скромности, за один сеанс психотерапии и элементарного гипноза я совершил самую настоящую, сексуальную революцию в отдельно взятой стране. Круто да?

Итак, вечером, когда одно солнце ушло за горизонт, а другое висело низко над землей в серой дымке, в столице амазонок, которая, кстати называлась Флоринополь, что означает Город не сорванных цветов, зажглись огни, и началось всенародное гуляние.

Я и мои друзья возлежали за главным столом в центре городской площади перед царским дворцом и слушали похвалы в нашу честь. Все началось с того, что двое девочек привели слепую старуху (первая старушка, которую я здесь увидел!) с арфой. Она долго что-то брэнчала, и ее почтительно слушали. Мне эта музыка показалась мукой, но потом я сообразил, что певунья просто настраивает струны. Когда она настроила свою арфу, то в ее брэнчании появилась какая-то заунывная мелодия, и местная Жанна Бичевская запела низким грудным и хриплым как у Высоцкого голосом и пела наверно целых полчаса. В своей песне она долго перечисляла всех цариц, которые правили амазонками испокон веков, и их подвиги, пока не добралась до Земфиры. Мы чуть не заснули. Но приходилось слушать и не менять выражения лица, в котором бы читалось восхищение и почтение. Потом в песне появилось содержание, и я даже кое-что понял. Вот вкратце такая история.

На далекой реке Амазонке жил прекрасный и сильный народ. Трудолюбивые и смелые граждане. Затем они решили выбрать царя и стали обсуждать его кандидатуру. Тогда женщины, также желающие принять активное участие в политической жизни страны, возмутились и решили выбрать царицу. Так начался спор между мужчинами и женщинами. Никто ни кому не хотел уступать. Тогда женщины отказали мужчинам в своей любви и ласках. Автором этой затеи была незамужняя и престарелая девственница Лисистрата. Но глупые женщины поддерживали ее, и мужчины остались без секса. Они упорно просили, женщины упорно не давали. В конце концов, они даже разодрались, и началась война. Женщины ушли от мужчин и стали жить отдельно, и сколько не пытались завоевать их обратно бывшие мужья, в женщин, словно бес вселился. И они даже перестали поклоняться Юпитеру и Аполлону, и приносили жертвы только Юноне и Венере. Так они вызвали великий гнев отца богов. Юпитер лично пришел к амазонкам и объявил:

– За то, что вы так себя ведете, я на веки вечные обрекаю вас на жизнь в самом центре Красной пустыни Смерти и без мужчин. Отныне, вы сможете заниматься любовью только с мужчинами, взятыми в бою, но после ночи любви вы должны убить своего любовника.

Сказал он так и ушел. Великое горе началось среди амазонок. Оказались они среди пустыни, где до людей добраться почти невозможно. Так что добыча мужчин превратилась в наитруднейшее дело.

Ну, тут конечно опомнились амазонки, стали усиленно Юпитеру поклоняться и прощения просить. В гневе Юпитер страшен, но и отходчив отец богов, повелитель грозы и молний. Во время одного из застолий, до него долетели жалобные молитвы амазонок, и он сжалился над ними. Прозвучал в небе его могучий, чуточку подвыпивший, голос:

– Если найдется такой Супермужчина, который сможет меньше чем за неделю удовлетворить своей любовью всех взрослых амазонок, проклятие мое спадет, и вы сможете вернуться к людям с миром и любовью.

И тысячу лет искали амазонки Супермужчину и не могли найти его. Не было среди пленников такого, кто бы мог меньше чем за неделю, переспать со всеми амазонками. Самое большее, на что их хватало, сотня или две. Но никак не тысячи. И в гневе лишали амазонки не

справившихся с этой задачей мужчин их мужественности и с позором продавали в рабство презренными евнухами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.